

Из-за девчонки (сборник)

Автор:

Евгений Туинов

Из-за девчонки (сборник)

Евгений Туинов

Валерий Алексеевич Алексеев

Юрий Козлов

Нина Орлова

Ирина Полянская

Иван Иванович Зюзюкин

Школьная библиотека (Детская литература)

В сборник включены произведения современных писателей о первой любви.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Иван Зюзюкин, Валерий Алексеев, Юрий Козлов, Евгений Туинов, Ирина Полянская, Нина Орлова

Из-за девчонки

Роман, повесть, рассказы

От редакции

Как ты уже догадался, читатель, эта книга посвящена первой любви, чувству, которое составляет главную муку и счастье человеческого сердца.

Почему так случается, что какой-то человек вдруг становится тебе дороже и интереснее, чем ты сам, а встречи с ним, редкие и мимолетные, оказываются настоящим праздником?

Почему, даже когда его нет рядом, он все равно с тобой? Ты разговариваешь с ним, делишься впечатлениями, не соглашаешься, споришь...

Говорят, что влюбленные идеализируют друг друга. Это не совсем так. Просто любящему сердцу дается особое зрение – видеть в любимом его лучшие качества, его идеальное начало, то, что есть в каждом, но часто скрывается за преходящим и сиюминутным.

И влюбленный человек, стремясь оказаться достойным того идеала, который для него, несомненно, воплощен в любимом, начинает сам тянуться вверх, старается стать лучше, добрее, умнее.

Отсюда и все безумные поступки влюбленных, их беспримерная храбрость и щедрость и в то же время почти детская незащищенность, ранимость, обидчивость.

А что общего у героев нашего сборника? У них есть душа, и она болит – от любви безответной и неразделенной, от разлуки, от предательства. И порой кажется, что с этой мукой невозможно смириться, ее невозможно пережить. Но, по словам учительницы главного героя романа «Из-за девчонки», «жить-то надо, и человеком оставаться надо... Страдай, злись, рви, мечи! Но человеком, миленький, оставайся».

Ты увидишь, читатель, что герой нашей книги не просто «остается человеком». Переживший свою первую любовь, он становится другим – повзрослевшим, понимающим, чутким к чужой боли.

Иван Зюзюкин

Из-за девчонки

Школьный роман [1 - © Зюзюкин И. И., 1982]

Неровная линейка

Рано утром первого сентября Рублёв глянул в окно: небо затянуло чем-то похожим на грязноватую марлю. Уже собрался идти в школу – и здрасте! – пошел мелкий, угнетающе беззвучный дождь. Пришлось срочно надевать нейлоновую куртку с капюшоном, которую ему прислали дорогие родители. Она ему не очень-то нравилась: траурно-черная, с белыми иероглифами на спине. Ходи и думай, что там написано?...

Но вот он вышел из дома (с ума сойти какого длинного, за длину прозванного «китайской стеной»), и на душе стало немного легче. Не одному ему топать по такой мокряди. Из всех шестнадцати подъездов валил учащийся народ. От бодренских зародышей из первых классов до высоченных, чуть ниже Останкинской телебашни, десятиклассников... Вон и Севка Барсуков, дворовый его приятель, на что лентяй несусветный, и тот решил сегодня не опаздывать.

Что значит первый день учебы!..

Салютнул Севке рукой.

– Как жизнь?! – издалека спросил тот.

– В п-полосочку, – уклончиво ответил Рублёв и подался в свою сторону.

Они с Севкой учатся в разных школах. Его, Рублёва, родители устроили в специальную. Нижайший поклон им за это...

Около школы сиротливо мокли жиденькие березки – детища весенних воскресников. Под скатами крыши, распушившись и недовольно потряхивая головами, сидели голуби. А в самой школе уже происходило могучее коловращение классов. На всех этажах и лестничных переходах стоял невероятный гвалт. Говорили сразу все, и все при этом друг друга слушали. Что-то крича, бегали, сплывали ряды учителя. Они широко открывали рты, но их, как в немом кино, не было слышно.

Из-за непогоды линейку решено было проводить не во дворе, как обычно, а в самой школе. Пришлось ученические ряды вписывать в прямоугольник холла, фланги распределять на втором этаже.

– Восьмой «А» строится у раздевалки! – услышал Рублёв.

Стал нехотя пробиваться сквозь галдящую, смеющуюся толпу к своим. Весь его сурово-снисходительный вид как бы говорил: чему радуетесь? Сегодня попрыгаем, почешем языки, а уже завтра застонем от учебной перегрузки. Набавили часов по английскому, истории, литературе. Перспектива такая, что не разгуляешься...

Он не выспался и был не в духе. Лег поздно – в последний день каникул до одури крутил любимые диски и записи. А в четыре утра его разбудил телефон. По леденящему душу вою в трубке догадался, что разговор будет вестись через спутник. Пока операторы двух материков искали место, чтобы скрестить свои радиошпаги, он придавил телефон ухом и уснул.

– Сынуля! – вдруг позвал его отец. (Рублёв обалдело отлепился от подушки. Отца нигде не было. Его голос, как жук в спичечной коробке, скребся в трубке.) – Ты слышишь меня?!

– Аха! – заорал он спросонья.

– Как дела, сынуля?

– П-порядок...

– Бабуля как?

– Нормально.

– Я и мама... она рядом со мной стоит... поздравляем тебя с новым учебным годом!

– С чем?! А-а, спасибо...

– Надеемся, ты и на этот раз не подкачаешь!

– Лана, – небрежно, сглатывая согласную, пообещал сынуля. И спросил: – Как вы т-там?

Как они живут, как чувствуют себя? Можно сказать: ничего. Жара спадает. Меньше стало moskitov. Монтаж идет своим ходом. Недавно дирекция завода устроила для них поездку в джунгли. Ехали на слонах... Есть также новость, которая, наверное, не обрадует его: им продлили командировку. Но пусть он не горюет раньше времени. У них там в следующем году открывается девятый класс. Так что теперь надо лишь дотерпеть до весны...

– Что ты молчишь? – вдруг забеспокоился отец. – Ты меня слышишь?

– Аха!

– Я не понял: ты рад этому или нет?

– Чему – этому?

– Ну что через девять, от силы десять месяцев мы заберем тебя к себе?

– Ну да...

– Раз так, то води себя все это время по-умному... чтоб, понимаешь, на твоей характеристике не отразилось. Договорились?

– Лана...

Потом трубку взяла мать. Послушала сверхлаконичные ответы сына и через тысячи разделявших их миль со вздохом отметила:

– Все еще заикаешься...

– Это тебе п-показалось, мамуля, – успокоил он ее.

В это время телефонистка предупредила, что время разговора истекло. Мать попрощалась, и в трубке стало тихо, как в гробу.

– Они звонили? – заглянула в его комнату проснувшаяся, со сна еще более старая бабуля.

– Они, – неохотно подтвердил он и натянул на голову одеяло.

– Когда приезжают?

– Скоро. Через девять, от силы десять месяцев...

Больше она ни о чем не спросила. Лишь огорченно вздохнула и ушла к себе.

После звонка он, как ни старался, не мог уснуть. Не то чтобы расстроился. Просто чего-то стало не по себе. В принципе он уже привык жить без них. Уезжали-то они всего на один год. А прошло два с половиной. Ну и ладно. Если им продлили визу, значит, у них все о'кей. Пусть работают, пусть помогают

развивающейся стране. А ему и тут неплохо. Бабуля (они ее за день до своего отъезда привезли из деревни и поселили с ним) оказалась замечательной старушкой. Жить его, слава богу, не учит. В дневнике не копается. Да и что она в нем со своими тремя классами поймет? Где, с кем и до какого часа он пропадает – сама говорит: «Не мое дело». То есть рассуждает как передовой современный человек! А туда поедешь – отец с матерью с утра до вечера будут воспитывать: не сутулься, не читай во время еды, не смотри телевизор перед сном, не носи такую прическу, не... И начнется самая настоящая нежизнь...

– Здорово, Колюня! – услышал Рублёв за спиной знакомый, с чуть окающим, немосковским выговором голос. Обернулся.

– К-коробок? – Глазам своим не поверил, как изменился Валерка Коробкин, его одноклассник и дружок. Загорел парнишка, вытянулся, усики появились, и стал еще красивее, чем был. Готовый кадр для загса! – Ну ты и дал свечу! – Протянул руку и изобразил великое страдание, когда Валерий легко давил ему кисть. – П-поделись с другом, что ты такое летом ел?

– Ничего особенного, – простодушно улыбнулся Коробкин. Он и раньше многие Колюнины шуточки принимал за чистую монету.

– Я тебе летом раз пять звонил. Где ты был?

– Я?... Здравствуйте, Галина Романовна! – заодно поздоровался Валерий с англичанкой. – В своей родной Заверняевке был...

– П-представь, и я с бабулей в деревню ездил! – обрадовался Колюня, что не один он скучно провел лето. – Но больше не поеду. Там, понимаешь, почти одни старухи остались...

– А я вот так доволен! – показал Валерий рукой выше головы. – Почти полторы сотни на сенокосе заработал...

– Ух ты! – Колюня завистливо оглядел Коробкина с ног до головы. – Значит, в этом году с молочком будем?

– Чего? – не понял его Валерий.

– Я говорю: новенькая в нашей школе п-появилась.

– Где?

– За тобой стоит... слева, с цветами...

Новенькая одиноко стояла среди толпы с букетом сиреневых астр. Она была красивой девчонкой. Это Колюня сразу заметил. А на ее длинную, изящно изогнутую шею он даже засмотрелся, разговаривая с дружкой. Он видел такие шеи на старинных картинах, в кинофильмах на исторические темы, а в жизни еще не встречал. Кажется, их называют лебедиными. И глазища у этой девчонки – люкс. Большие, темные, с симпатичной раскосинкой. В них, как в зеркале, все хорошо отражается в цвете. Вот поднесла она к лицу астры, и глаза ее стали темно-сиреневыми.

– Ничего б-богиня? – толкнул он в плечо Валерия.

Тот обернулся, бросил короткий, боязливый взгляд на новенькую и сказал:

– Так себе. Тонкая очень...

– Сам ты урод! – возмутился Колюня.

– А чего в ней? Одни глаза...

– А шея, идиот? А волосы?

– Как хочешь, она не в моем вкусе...

– Вот и видно, что с сенокоса вернулся!

– А при чем тут это?

– При том, что ни черта в женщинах не п-понимаешь!

– Ты у нас большой знаток!..

– Представь! – не хотел кончать спор Колюня. – Посмотри на нашу Светку, – кивнул он на проходившую невдалеке от них одноклассницу Зарецкую. – Идет гордая, неприступная. А на уме что? Мечтает, чтобы ее, красотку черноокую, – подмигнул он Валерию, – кое-кто п-полюбил...

– Глупости говоришь, – защитил одноклассницу Валерий. – Она совсем не такая...

– Скажешь! Нос вымоет, зубы почистит, золотые сережки нацепит и воображает, что богиня.

– А эта? Которая за мной стоит? – дернул головой Коробкин. – Богиня?

– Ты чего?! – сразу ошетинился Колюня. – Шуток не п-понимаешь?

– Твоих – не понимаю, – сказал Валерий и опять кого-то поприветствовал. – И, честно говоря, понимать не хочу. Уж больно они у тебя...

– Чего ты разорался?! – оскорбился Колюня, хотя, если быть справедливым, из них двоих орал один он. – Плевал я хоть на ту, хоть на эту. Они меня не интересуют...

– Плевал?! – Валерий понизил голос и посмотрел по сторонам. – Думаешь, я не знаю, кто в прошлом году в класс принес фотографию голой женщины? Скажи спасибо, что я на совете промолчал.

– Валера, – чмокнул его руку Колюня, – т-ты спас мою честь!

– Считай, что квиты, – еле стерпел Валерий издевку. – Помнишь, попались у «Метрополя», а ты все взял на себя?

Колюня помнил. Это было в шестом классе. Около этой гостиницы они выменивали у иностранных туристов советские почтовые марки на фломастеры. Когда их привели в дружину, Колюня сразу вывел Коробкина из игры, сказав, что тот просто стоял рядом.

– А знаешь, п-почему я тогда все взял на себя? – Рублёв злобно усмехнулся. – Чтобы ты рта не открывал. А то ведь, как честный маменькин сынок, мог все испортить. А я, если помнишь, насвистел им про то, про сё, капнул слезкой на протокол, и нас отпустили...

– Знаешь что?! – Коробкин вдруг всей своей покрупневшей за лето фигурой угрожающе надвинулся на Колюню. – Еще раз назовешь меня маменькиным сынком, я тебе морду набью...

– Начинай! – подставил Колюня сначала левую щеку, потом правую. – Ну что же т-ты мешкаешь, паря?!

... В это же самое время в кабинете директора школы происходило объяснение. Выражаясь языком дипломатических протоколов, в нем принимали участие: директор Всеволод Николаевич, оба завуча и предместкома Ольга Михайловна, она же ботаника и зоология, – с одной стороны, и Наталья Георгиевна, литература и русский язык, – с другой.

– Поймите, это невозможно: оставить класс на целый год без руководства! – внушала ей Ольга Михайловна, женщина, несмотря на чрезвычайную полноту, очень энергичная и настойчивая. – Придется вам, Наталья Георгиевна, расстаться с вольной казацкой жизнью и взять этот класс...

– Не могу, – подчеркнуто любезно ответила учительница. – У меня ребенок...

– У Людмилы Сергеевны тоже ребенок, – строго напомнила ей завуч физматцикла. – Но она руководит, да еще каким классом! И в школе с ними работает, и в походы ходит. Чего вам рассказывать? Сами знаете...

– Людмиле Сергеевне легче: у нее есть муж, – еще любезнее ответила Наталья Георгиевна, женщина, сразу видно, сложного характера. – Кроме того, позвольте вас спросить: почему вопрос об этом вы ставите сегодня, первого сентября, а не весной, когда у меня была возможность поискать работу в другой школе?

– Интересная вы женщина! – изумилась завуч гуманитарного цикла. – Кто же знал, что Агнесса Петровна уйдет в декрет?

– Скажите лучше, – догадалась Ольга Михайловна, – что не хотите руководить!

– Если вам это доставит удовольствие – да, – не замедлила с ответом Наталья Георгиевна.

Всеволод Николаевич, седенький мужчина, с хитроватым прищуром глаз, сидел за своим столом и в перепалку женщин не вступал. Умудренный большим опытом руководства учительским, по большей части женским, коллективом, он заранее знал, чем все кончится, но не мешал сторонам высказать свои точки зрения и излить чувства.

– В чем-то я понимаю Наталью Георгиевну, – взял он в заключение слово. – Она хороший специалист, любит свой предмет и хочет сосредоточить на нем все свое внимание... – Директор скользнул взглядом по лицам заместительниц, чтобы угадать их настроение. – Предлагаю такое решение: этим классом руководить буду я...

На белых, отвердевших от волнения щеках учительницы литературы мгновенно выступил румянец благодарности.

– Но совсем отстраняться от воспитательной работы, Наталья Георгиевна, тоже нельзя, – продолжал он. – В ваших же профессиональных интересах, понимаете?...

Директор достал план общешкольных мероприятий, долго водил по нему пальцем, выискивая что-нибудь подходящее для этой самолюбивой, держащейся особняком от всех учительницы.

– Вот... – что-то нашел он наконец. – В начале третьей четверти у нас состоится смотр ученической самодеятельности. Ответственной за его подготовку и проведение будете вы. Идет?...

Наталья Георгиевна некоторое время сраженно молчала. Румянец у нее враз исчез. Смотр – это значит полгода не знать покоя.

– Я согласна, – не поднимая глаз, хмуро ответила она. – Но давайте назовем это как-нибудь иначе! Смотр в прошлом году, в позапрошлом... это уже всем

надоело. Фестиваль искусств – годится?

– Господи! – радостно колыхнулась Ольга Михайловна. Смотры были закреплены обычно за ней. – Не все ли равно, как это называть?

– Считаю вопрос решенным, – поглядел на часы Всеволод Николаевич и встал. До начала линейки оставалась одна минута.

... Рублёв и Коробкин несколько увлеклись выяснением отношений. В решительный момент к ним подбежала легкая, как девчонка, учительница, их классная.

– Эй, друзья?! – поглядела она тому и другому в глаза. – Вы что это?

– По одному вопросу разошлись, Людмила Сергеевна, – с мрачной ухмылкой доложил ей Рублёв.

– По какому? – встрепелась она.

– По женскому.

– Рублёв... – неодобрительно покачала она головой. – Я-то думала, за лето ты станешь серьезнее... А это что такое?! – вытащила она из его оттопыренного кармана пластмассовую коробочку.

– Сейчас... – Рублёв близоручко склонился и спросил: – Шахматы?

– Трепло несчастное! – не сдержала улыбки учительница. Вернула шахматы и предупредила: – Если увижу или услышу, что вы играете на уроках, мигом вас рассажу!

– Людмила Сергеевна! – потребовал справедливости Коробкин. – На ваших уроках мы никогда не играли!..

– А на литературе?... А на уроках Ольги Михайловны?

– Это было, – правдиво опустил Валерий голову.

– Он хороший, он больше т-так никогда не будет! – горячо заверил ее Колюня и, лаская пристыженную голову Коробкина, погладил его «против шерсти».

– Хороший – и ничего плохого в этом не вижу, – заступилась классная за Валерия. – И ты, по-моему, неплохой парень. А когда молчишь, так просто золото...

Заметив, что Всеволод Николаевич уже стоит у микрофона и ждет полной тишины, впихнула обоих в шеренгу и побежала к толпе учителей, ровно выстроившихся за директором.

– Дорогие ребята! – с чувством начал Всеволод Николаевич. – Сегодня чудесный день!..

Вся линейка на эти его слова отозвалась взрывом развеселого смеха: за окном от дождя и хмари было темно, как в сумерках.

– Я знал, что вы отреагируете именно так, – лукаво глянул на линейку директор. – Но день-то и в самом деле чудесный! Первое сентября! День, когда мы вместе с вами начинаем борьбу за прочные знания, за крепкую дисциплину...

Больше никто не смеялся.

Но те, кто не наговорился до начала линейки, с вдохновенно устремленными на оратора лицами продолжали переговариваться.

– Ты будешь заниматься в астрокружке или, как в прошлом году, один раз приедешь, пять раз пропустишь? – примирительным тоном спросил Валерий Рублёва: не хотелось ему, чтобы их стычка переросла в ссору.

– С тобой за компанию – п-пожалуйста!

– Конечно, вдвоем ездить намного веселее, – сразу оживился Коробкин. – В дороге не замечаешь, как время идет...

Колюня перевел умильный взор с оратора и с преувеличенной любовью посмотрел на дружка.

– У меня идея! – задышал он ему в ухо. – Я тебе подарю б-балалайку! С ней тебе будет еще веселее, чем со мной.

Колюня зажал рот рукой, чтобы не расхохотаться на всю линейку: до того натурально рассвирепел невозмутимый Коробок!

– Скот ты, Рублёв! – сказал Валерий и, не обращая внимания на красноречивую паузу в речи оратора, вышел из строя и с кем-то поменялся местами.

До конца линейки на Колюниных устах играла кривая улыбочка. Ну и психом заделался Коробок! Чувства юмора – ни капельки! Это после каникул и здорового физического труда на сенокосе! А что будет потом? Ой-ой...

В то же время Колюня сам не вполне понимал, зачем он привязался к Валерию. Классная права: он ничего мальчишка. Не дурак. Учится почти на одни пятерки и берет, чего там говорить, не одной усидчивостью, есть у него и мозги. Может, даже самые лучшие в классе. Классная сколько раз говорила, что ему надо было идти не в языковую школу, а с физматуклоном. Но Валериной мамочке ужасно хочется, чтобы ее сыночек говорил, писал и читал на иностранных языках.

И все же Колюню в Коробкине что-то раздражало. Или, может, попадись ему под руку кто-нибудь другой – он бы на другом отыгрался? Что-то у него с настроением в те дни происходило. То петь от радости начнет, то глаза бы ни на кого не глядели! На днях захотелось выпить пепси. Опустил в автомат монету. А в ответ не получил ни шиша. И так вдруг разозлился, что стал бить кулаком по неисправному автомату, пока какой-то прохожий, здоровенный дядя, не оттащил его в сторону.

Перед первым сентября Колюня проходил диспансеризацию. Поинтересовался у врача-невропатолога, отчего это он с пол-оборота заводится.

– Обычно это наблюдается у людей с отклонениями, – ласково пояснила она. – И у вас, подростков, тоже.

Он быстро сказал ей «спасибо» и пошел проверять зрение.

Колюня и друг его единственный

Внешние данные Рублёва такие. Рост – типичный для акселератов наших дней, что-то около 180 сантиметров. Фигура худощавая, вернее сказать, костлявая. Плечи, локти, колени заострены. Каждый позвонок на спине проглядывает шипом. Волосы – ярко-рыжие, нос – вздернутый. Глаза точно такого же блеклого голубого цвета, как, прошу простить за сравнение, у много раз стиранных джинсов.

В детстве его как только не называли. И Колькой, и Ником, и Рублём, и Копейкой. Но вот все отсеклось, и навсегда закрепилось – Колюня.

Это имечко он получил за свой острый язычок. Боюсь, перед лицом такого факта, как заикание Рублёва, мое утверждение прозвучит неубедительно. Да, почти каждая фраза у него рождается в муках. По лицу пробегает судорога, голову бросает из стороны в сторону... Зато у него всегда в запасе секунды две, чтобы подобрать слово поточнее и поострее и потом поглубже вогнать его в душу противника!..

Все было бы ничего, жалься он, как, к примеру, пчелы, лишь в порядке самообороны. Увы, Колюня обычно нападал первым. И жалил с удовольствием и написанным на лице убеждением, будто для того и родился на свет, чтобы указывать другим на их недостатки.

В классе было несколько человек, которых он прямо-таки жаждал переделать. К ним мы можем смело причислить Караева и Мазаева – дружных, жизнерадостных, но не слишком-то озабоченных самообразованием мальчишек, за созвучие фамилий и родство душ прозванных (Колюней же!) «братьями Карамазовыми». Он изо всех сил старался доказать им, что они – серые. И чем только при этом не пользовался – вплоть до шуток с бородой.

– Братья! – однажды на переменке, перед сочинением, обратился он к ним за помощью. – Не помните, что говорил Пушкин о Льве Толстом?

«Братья», возбуждая мозговую деятельность, стали быстро-быстро растирать виски. И лишь когда в классе все начали давиться хохотом и сползать под парты, сообразили: Колюня их разыграл...

Много крови он попортил Оле Самохваловой, председателю совета отряда, а затем комсоргу класса, деятельной девчонке с вечно пылающими щеками и тяжеловатой для ее возраста статью. Он постоянно привязывался к Оле из-за сумки, с которой она ходила в школу. Сумка в самом деле не отличалась изяществом, формой и размерами напоминала больше хозяйственный баул. Но Олю она устраивала. Помогая матери (отец от них ушел к другой женщине) растить сестренку и братика, она сразу после уроков заходила в продмаг и отоваривалась. И никакие Колюнины намеки на то, что с такой сумкой лучше бы на базар ходить, а не в школу, не воспринимала. Но сильнее всего Колюню выводили из себя Олины старания сделать его примерным мальчиком. Из-за этого он боялся попадаться ей на глаза. А уж коль попадался, она обязательно поручала ему что-нибудь. То останься после уроков и помоги ей выпустить стенгазету. То поднатаскай ее туповатого соседа по парте Витька Перовского по русскому. То...

В таких случаях Колюня всегда начинал с превознесения Оли как человека.

– С-сначала, Олька, дай сказать, что я о тебе думаю. Душа горит.

– Очень надо! – отворачивалась она, чуя какую-то каверзу.

– Самая п-порядочная девчонка в классе.

– Прекрати! – требовала она, но не слишком категорично.

– Д-добрая, сознательная. За что ни возьмешься, все п-получается...

– Кому сказала?! – замахивалась она сумкой-баулом, а от ее щек исходила уже пожарная опасность.

Колюня умолкал, но лишь для того, чтобы прокричать:

– А раз ты т-такая, сама и делай!

И заходился идиотским, похожим на икоту смехом.

«Братья» и другие (включая некоторых девчонок), кого Колюня доводил своим язычком, пытались повлиять на него средствами, не предусмотренными школьным уставом. Но было замечено: чем больше его колотишь, тем злее его шуточки.

И самое интересное, что он еще и выбирал, с кем дружить, а кого держать на расстоянии!

В шестом классе он выделил и приблизил к себе Валерия Коробкина. Почему именно его? Подобно многим людям, Колюня выше всего ценил в других то, чего остро не хватало ему самому. Валерий с малых лет отличался взрослостью. Был немногословен. Имел перед собой, не то что другие в классе, ясную цель: стать астрофизиком. Не спорил о том, чего не знал, и о том, что знал наверняка. Этим он и был симпатичен Колюне, который, увы, не обладал ни одним из вышеназванных достоинств.

Их отношения сложились так, что они стали захаживать друг к другу в гости. (В старину это называлось: дружить домами.) Колюня, приходя к Валерию, первым делом списывал у него по физике и математике, предметам, которые он не любил и плохо понимал. Но долго не задерживался. У Коробкиных была однокомнатная квартира. Это еще было бы ничего, но на Колюнину психику сильно давило присутствие матери Валерия, дворничихи дома. (С Коробкиным-отцом, неизлечимым алкоголиком, она развелась и уехала от него в Москву.) Женщина рано постаревшая, раздражительная, она то и дело поругивала сына, а если тот не давал повода, принималась за Колюню.

У Рублёвых, в трехкомнатной, друзья делали что хотели! Готовили уроки под рок-музыку, играли в шахматы, валяясь на паласе, смотрели телевизор, и никто им – какая красота! – ничего не говорил. Колюня разрешал Валерию сколько угодно рыться в стеллажах и брать с собой книги, каких в районной детской библиотеке век не дождешься. Но больше всего Валерию нравилось, что у Рублёвых он мог полностью расслабиться. Вместе с Колюней дурачился и кривлялся под музыку. Отдыхая, задирали по-американски ноги на стол. У себя дома он не мог ничего такого себе позволить.

В седьмом классе Людмила Сергеевна устроила Валерия в астрокружок при Московском планетарии. А некоторое время спустя членом этого кружка стал и Колюня. Начали дружба через всю Москву два раза в неделю ездить в планетарий. Колюня написал о Валерии и кружке родителям. Те возрадовались: наконец-то сынуля нашел свое призвание! Разжигая в нем похвальный интерес к иным мирам и планетам, расщедрились и прислали телескопическую трубу с отличной цейсовской оптикой. Теперь Валерий пропадал у Рублёвых допоздна: чередуясь друг с другом, они наблюдали ночное небо.

Правда, Колюне это занятие скоро надоело. Трубу он стал употреблять не по прямому назначению. Придав ей горизонтальное положение, в дневное время наблюдал, что происходит на ближайшей к нему планете – Земле. Это ему было интереснее. И астрокружок стал посещать все реже и реже...

После случая у «Метрополя» его визиты к Коробкиным прекратились. Мать Валерия объявила Колюню персоной нон грата[2 - Персона нон грата – нежелательное лицо (лат.).]. Но это было не все. Она также ходила в школу и изложила классному руководителю, Людмиле Сергеевне, свой взгляд на Рублёва: с жиру бесится мальчишка, у таких, как он, заевшихся, избалованных детей, нет никаких стремлений, кроме как все брать от жизни и ничего не давать ей взамен. Попросив отсадить сына от Рублёва, предупредила классную: «Втянет он Валерия еще в какую-нибудь авантюру, я пойду к депутату и попрошу принять меры...»

Все свои естественные, но несбывшиеся мечты о семейном счастье эта женщина перенесла на сына, сочетая материнскую заботу о нем с неукротимой строгостью. Дошла до министра и устроила Валерия в спецшколу и при малейшей тревоге за его судьбу приводила в движение почти что всю государственную машину. Она себе во многом отказывала, но для сына ничего не жалела. Так что трудно сказать, кто же из них, Колюня или Валерий, был избалован сильнее.

Но даже она, невзлюбив Рублёва, могла только то, что могла. Валерий и после случая у «Метрополя» дружил с Колюней, бывал у него дома. И классная, хотя имела право, не стала их рассаживать. Наоборот, считала она, эти двое, каждый по своим причинам, нуждаются друг в друге.

Обряд рассаживания

Первым уроком в восьмом «А» по расписанию была история, но все началось с физики. В этой школе, как и во всякой другой, учителя договариваются между собой, чтобы первый урок провести в своем классе.

Людмила Сергеевна вошла в класс не одна.

– Ребята, это наша новенькая! – с широкой улыбкой, словно лично ей был преподнесен хороший подарок, представила она ученицу с букетом сиреневых астр. И тут же спохватилась: – Фамилию знаю: Малышева. А как тебя звать?

– Екатерина.

– Катя то есть? – умилилась классная. – Как хорошо! У нас есть и Тани, и Оли, и Светы... А ты будешь первой и единственной Катей.

Новый человек в классе – всегда событие. Что за птичка прилетела к нам? Откуда? Почему?... Девочки восьмого «А» в упор разглядывали Малышеву пристально-ревнивым взглядом, мальчики – исподволь, но заинтересованно.

Один Колюня не глядел на нее. Он разозлился на новенькую. Обязательно было в их класс приходить? В школе еще три восьмых. Он поискал глазами Коробкина. Ага, сел впереди, спиной к нему. И не оглянется. Нет, все же один раз посмотрел – когда увидел новенькую. Посмотрел коротко и, как показалось Колюне, насмешливо. Вот, мол, явилась как по заказу, начинай с ней свои шуры-муры...

– Ты где училась до нашей школы?

Классной это самой надо было знать, классу – тоже полезно.

– Долго рассказывать! – улыбнулась новенькая. Ее, чувствовалось, не очень-то смущала новая обстановка. – У меня папа военный. Жили в Сибири, на Дальнем Востоке, в Казахстане, на Волге...

– Поездила ты! – отметила классная. – А в Москву надолго?

– Не знаю, – дернула плечиками Катя. – Мне здесь нравится. Но вдруг папу опять куда-нибудь переведут?

– П-папу переведут, а она с мамой шиш отсюда уедет! – вырвалось у Колюни.

В классе стало тихо-тихо.

– Рублёв, как это некрасиво! – возмутилась классная. – Я бы на твоём месте сейчас же извинилась.

– А это не я, а мой в-внутренний голос сказал, – попробовал он отвертеться, хотел еще что-то сказать, да запутался.

– Ляпнул и самому стыдно, да?... Простим тебя по случаю нового учебного года.

Решая, где посадить новенькую, классная оглядела ряды и про себя отметила, что Коробкин и Рублёв сели за разные парты. Поцапались-таки дружки...

– С кем же тебя посадить? – раздумывая вслух, сказала она.

Но тут внимание учительницы привлекли громкие голоса с улицы. Она глянула в окно и увидела директора школы, руководившего выгрузкой нового оборудования для школьного радиоузла. Прежнее, купленное экономным Всеволодом Николаевичем у какой-то организации почти задарма, никуда не годилось. Во время передач динамики исторгали хрип, завывание, шуршание, никто не понимал ни слова и когда передача велась на русском, и когда, в учебных целях, на английском языках. Зато смеху в школе и анекдотов про радиоузел было предостаточно...

– Так где же тебя посадить? – вновь задалась вопросом классная. – Посажу-ка я тебя с Рублёвым. Правда, он у нас плохо воспитан, но я почему-то уверена: ты на него будешь хорошо влиять.

Кто такой Рублёв, новенькая уже знала: вон тот рыжий, с прической, похожей на воронье гнездо. Колюнин выпад не очень-то задел ее. Опять куда-то

переезжать, менять школу, учителей, заводить новых друзей – это ей самой уже опостылело. Положила астры на стол учительницы и пошла на указанное ей место.

Едва до сознания Колюни дошло, что сейчас рядом с ним сядет эта девчонка, он вскочил и закричал:

– Людмила Сергеевна, что я вам п-плохого сделал?!

– Это он у нас так острит, – с горестной улыбкой пояснила классная новенькой и попросила Колюню подвинуться и освободить половину парты.

– А п-почему один я в классе должен сидеть с девчонкой?! – снова возопил он.

И только тут классная заметила, что на этот раз мальчишки и девчонки сели порознь. Даже Витек Перовский, тоненький и нежный мальчик, привязанный к Оле Самохваловой, как младший брат к старшей сестре, сел за другую парту.

– Вы это что?! – напустилась классная на всех сразу. – Сами для себя устроили раздельное обучение? Глупость какая!.. С тебя-то, Рублёв, мы и начнем. Пожалуйста, подвинься!.. Кому я сказала?!

– Людмила Сергеевна! – встала из-за парты и взволнованно заговорила Эмма Гречкосей, еще один постоянный объект Колюниных сатир. – Я считаю, у Рублёва нет морального права сидеть рядом с девочкой. Помните, что он в прошлом году сказал? Девчонка не совсем человек. У нее вместо мозгов – пшенная каша.

– Не ври! – вышел из себя Колюня. – Я не всех имел в виду, а т-только тебя...

– Да?! – Эмма, кажется, только этого и ждала. – А что ты про Свету Зарецкую говорил? Забыл?

– Что она ч-чокнутая?

– Рублёв!

– А разве нет? – настаивал он на своем. – Все нормальные во время п-переменки бегут в буфет или в туалет. А она чем занимается?

Света Зарецкая обладала, пожалуй, самой яркой наружностью в восьмом «А». На нее, как на лампочку в пятьсот ватт, нельзя было долго смотреть – до того красивы и загадочны были ее огромные, карие, чуть навывкате глаза. Но, как ни странно, она больше других девчонок в классе была озабочена своим внешним видом. Все знали: чтобы не располнеть, как ее мать, Света уже с шестого класса села на диету и ходит в сауну с бассейном. На переменках она общалась главным образом с зеркальцем: карандашиком подводила глаза, усиленно втирала в щеки какие-то кремы...

– Эмма, сейчас не время разбирать, когда и по какому поводу Рублёв высказался, – нахмурилась классная. – Сейчас от него требуется одно: чтобы он...

К этому времени Кате Малышевой надоело стоять в позе бедной родственницы около парты. Она резко повернулась и пошла к выходу. И выбежала бы из класса, не прегради ей дорогу Людмила Сергеевна.

– Катя!.. – Она взяла ее за плечи и с улыбкой, не обещавшей ничего хорошего, повела к парте Рублёва. – Сейчас он подвинется...

– Хоть расстреляйте! – побелев, вцепился в парту Колюня.

– Людмила Сергеевна! – встал и с опущенной головой сказал Валерий Коробкин. – Сколько можно заниматься этой ерундой? Пусть садится рядом со мной...

У классной аж перехватило дыхание.

– Молодец, Валера!.. Это поступок настоящего мужчины, я просто другого слова не подберу. А ты, Рублёв... я даже не знаю, как тебя назвать!..

– Дурак – и не лечится! – подсказала Эмма Гречкосей.

– Еще короче: хам! – предложила Света Зарецкая.

– Довольно! – подняла руку классная и пошла к доске. – Начнем урок. Я хочу предупредить вас: физика в восьмом – сложный предмет.

И, к удивлению всех, урок начался. Классная попросила открыть тетради, записать тему. Ее рука, дробно постукивая мелом, забегала по доске.

Колюня сидел с отрешенным видом и ничего не записывал. Он открывал для себя нового Коробка. «Удружил, Валера! Век буду помнить. Но вот зачем он это сделал? Что новенькая его не интересует, это ясно. Подвинулся и даже не посмотрел на нее. И сейчас уже весь в физике, рыщет головой вслед за рукой классной. Хуже всего, когда тебе сделают подлянку, а за что – не знаешь...»

Девчонки в Колюниной жизни

Не сомневаюсь: название этой главки у многих вызовет лишь смех и недоумение. Дескать, маловероятно, чтобы на такого злостного грубияна, как Рублёв, обратила внимание хоть одна, а тут «девчонки» – во множественном числе!

И все же, что б там ни говорилось, они сыграли в его жизни заметную роль. Кто знает, если б не они, так он, может, и не стал бы Колюней?...

– Очевидное – невероятное! – Ничего не стоило ему на перемене вскочить на парту и, с высоты перстом указуя на Свету Зарецкую, во всю мочь заорать: – У нее всего за одну ночь ресницы п-подросли на п-полпальца!..

Бедная Света ради того, чтобы чуть-чуть нарастить тушью ресницы, казавшиеся ей коротковатыми для своих огромных глаз, вставала утром раньше обычного и теперь чувствовала себя так, будто ее поймали на воровстве.

– Какая же ты гадина! – говорила она Рублёву с ослепительно ненавидящей улыбкой.

А тому все было нипочем. Корчился на парте от идиотического смеха и шел на спор, что знает, для кого она старается, и при этом прозрачно поглядывал на дружка Коробкина, чем доводил Свету уже до полного отчаяния.

Когда Эмму Гречкосей вызывали к доске, Колюня, фигурально выражаясь, делал стойку: весь обращался в слух и зрение. Да зря, пожалуй, так напрягался. Эмма была легкой добычей. Как все, кто смело выходит к доске, ничегошеньки не зная, она становилась детски доверчивой, с трогательной надеждой поглядывала на класс и готова была принять помощь хоть от самого черта, лишь бы уйти от двойки на этот раз. Да вот беда: помощь приходила от того, кто был хуже, зловреднее черта, – от Колюни. Это из его ладоней, сложенных рупором, выпархивали и повторялись стоявшей у доски такие подсказки, что учителя, всякое на своем веку слышавшие, долго и оскорбленно смотрели в одну точку. С Колюниной легкой (вернее, коварной) руки Эмма сделала Петра I сыном гетмана Мазепы, наделила цветы свойством выделять хлорофос, на древе жизни отвела человеку место на одной ветке с членистоногими...

Не довольно ли примеров? И без того вроде бы уже ясно: Рублёв терпеть не мог девчонок... Это так и не так. Когда он оставался с девчонкой в классе один на один, на себя становился непохожим человек! Умный, воспитанный мальчишка, копия своего дружка Коробкина. Он даже в необычной роли миротворца выступал, если на его глазах мальчишки не давали прохода девчонке.

Но что с ним делалось на людях! Из кожи лез, чтобы все видели, как он ненавидит девчонок! Можно даже сказать, что как женоненавистник он сформировался на глазах девчонок. В одном лишь ему надо отдать справедливость: третируя их, он никогда не возводил напраслины, а только, как в случае с ресницами Светы Зарецкой, делал небольшие допуски туда-сюда.

Колюня, Колюня...

Так он высмеивал, третировал девчонок изо дня в день. Казалось, других забот у него и не было. Небезынтересно знать: чего он добивался?... Косвенно на этот вопрос отвечает эпиграмма, помещенная в классной стенгазете. (Номер был посвящен Международному женскому дню и подготовлен, как это, увы, часто бывает, девочками.)

Зачем Рублёв старается,

Над нами потешается?

Это он под шумок

Проявляет свой умок...

С. З.

Если Света Зарецкая, чей красивый и мстительный профиль проглядывает сквозь прозрачные инициалы С. З., права в своем заключении, полезно задаться вопросом: перед кем именно Рублёв проявлял себя?

Немало людей в классе подозревало, что Оля Самохвалова равнодушна к нему. Уж очень она, оставаясь непримиримой к его недостаткам, самоотверженно вовлекала в общественную работу этого рыжего вредину. Но сам Колюня никаких поводов для таких подозрений не давал. Оле Самохваловой от него доставалось не меньше, чем Зарецкой или Гречкосей.

Дело было проще: Рублёву хотелось нравиться сразу многим девчонкам, в том числе и тем, которых он травил. И хотя все девчонки класса, кроме Оли, плевались и с презрением отворачивались в сторону, как только Рублёв начинал упражняться в остроумии, это его ничуть не смущало. Он был твердо убежден, что плюются они и отворачиваются, чтобы скрыть восхищение его остроумием. И, как ни прискорбно это отмечать, в чем-то он был прав.

Едва Колюня открывал рот и, подобно всем заикам, с заброшенной бог знает куда головой начинал с шумом втягивать в себя воздух, в классе воцарялась тишина. Всем хотелось услышать, что ляпнет этот тип Рублёв. По части внимания к себе он превосходил всех, включая и Олю Самохвалову, каждое слово которой, по идее, должны были ловить все. Случалось, после уроков, когда надо было сделать важное объявление и когда класс неудержимо рвался в раздевалку, Оле удавалось – с риском порвать голосовые связки! – перекричать всех и остановить бегство. «Все меня слышат?» – уточняла она в обстановке полной тишины. Но тут начинал судорожно втягивать в себя воздух Колюня Рублёв...

В седьмом классе он решил заиметь свою девчонку. Конечно же не для того, чтобы оттачивать на ней свое остроумие. Хотел в собственных глазах вырасти и в глазах тех, кто считал его способным лишь языком молоть.

Но давайте сначала выясним, что такое «своя девчонка». Это вовсе не та девчонка, к которой ты равнодушен и думаешь о ней день и ночь. Наоборот, чем спокойнее к ней относишься, тем лучше. Ты не собираешься на ней жениться и быть верным ей всю жизнь, и она знает об этом лучше, чем кто-либо.

(При этом не следует ни на минуту забывать, что и ты для нее всего лишь «свой мальчишка».)

Лучше всего иметь ее в соседней школе. Конечно, на худой конец, можно и в своей. Роман с ней совсем не обременителен для того, кто ценит личную свободу. Договариваешься встречаться на переменах в одном и том же месте. К примеру, у входа в столовую. Всем, кто проходит мимо, ясно: ты с этой девчонкой на короткой ноге, и, если б не уроки, вас только и видели в школе! Твоя обязанность – безостановочно рассказывать ей анекдоты и потешные истории, ее – громко смеяться, запрокинув голову или, как при резах в животе, согнувшись в три погибели. После уроков на виду у всех провожаешь домой. Но на полдороге, вспомнив о каком-то срочном деле, можно сказать ей: «ЧАО!» – и двинуть в другую сторону. Не маленькая, сама дойдет до дома.

Третируя девчонок, Колюня со временем понял, что без них, увы, нормальной жизни быть не может. К примеру, тебе надоело общаться с такими же, как ты сам, детками, хочется посидеть в компании людей постарше и послушать их умные речи. Но приходить без девчонки туда, где, наперед знаешь, будут одни пары, – весь вечер чувствовать себя неполноценным. Кто бы на тебя ни посмотрел, все равно во взгляде прочитаешь вопрос: «А тебе чего здесь надо, мальчик?»

Другое дело, когда за столом сидишь со своей девчонкой. Протягиваешь соседу сигареты, и тот не делает козьей морды, не спрашивает: «А тебе папа с мамой разрешают курить?» «„Пэлл Мэлл“!» – уважительно покачает он головой, разглядывая пачку. «Пэлл Мэлл», – небрежно подтвердишь ты. И между вами уже возник контакт. А дальше все пойдет само собой. Соседняя пара устроилась в одном кресле. Слабо? Мы тоже так умеем! И в клубах сигаретного дыма, посреди хихонек да хахонек, термоядерных взрывов рок-музыки и периодически возникающих драк ты чувствуешь себя как бог.

Колюня, Колюня...

Или – выдался хороший вечерок. Уроки приготовлены, либо решено вообще не браться за них. Что делать? Киснуть дома? А для чего такое великое изобретение, как телефон? Позвонил своей девчонке, сговорился с ней поехать, допустим, на Горького[3 - Сейчас Тверская улица.]. Людей повидать, себя показать... Идти от «Националя» до Белорусского – все равно что плыть по реке, текущей сразу туда и обратно. Тебя толкают, ты толкаешь. Все, как и должно

быть. С девчонкой необязательно разговаривать. Можно просто идти и идти. Она несет на себе твою руку, ты своим видом всем показываешь: лучше, чем она, девчонки встретить невозможно, и пусть только кто-нибудь плохо посмотрит на нее!.. По обе стороны улицы завлекательно подмигивают неоновые рекламы, с большой нагрузкой работают рестораны и кафе. Деньги, может, и найдутся. Но нигде не протолкнешься. А главное – не пустят. Швейцары, как правило, не имеют университетского образования, грубо поворачивают тебя на сто восемьдесят градусов и с помощью двери-вертушки выставляют на улицу. Ничего. Погуляем на свежем воздухе. Говорят, это полезно для здоровья.

Убедив себя, что занять свою девчонку совсем неплохо, Колюня стал ждать подходящего случая.

Но вдруг ему показалось, что он поступит не по-товарищески, если оставит в стороне своего дружка Валерия. Тому ведь тоже, наверное, надоело в деточках ходить и мамочку во всем слушаться. И вот однажды, когда Коробкин зашел, чтобы поменять книги, Колюня предложил ему заключить наступательный союз.

– Вдвоем п-пристать – раз плюнуть! – горячо убеждал он дружка. – Представь: впереди нас по улице идут две богини. Одна блондинка, другая – брюнетка. Ты заходишь слева, я – справа. Здравствуйтесь, девочки! Это что за город? Москва?! Неужели? А мы только что с Командорских островов. Морские котики. Туманы... Кстати, меня зовут Колюней, а его Валерием. А вас как? И дело в шляпе.

Нет, друг Валерий так и не понял, для чего ему приставать к незнакомым девчонкам. Набрал для себя охапку журналов «Техника – молодежи», для матери – «Человек и закон» и ушел. А Колюне стало ясно: придется опираться на собственные силы...

Долго его мучил вопрос: какую девчонку выбрать? Не нарваться бы на дурочку вроде той, что живет через один подъезд, – на почве несчастной любви выпила пригоршню димедрола, еле откачали. С такой свяжешься – потом не развяжешься...

Всех одноклассниц он сразу же отвел как возможных претенденток на звание «своей». У него было такое чувство, что за годы совместной учебы и неутихающей вражды он до какой-то степени породнился с ними. Да и в душе сознавал: ни одна из них никуда с ним не пойдет. Самохвалова? У этой на уме

только уроки и магазин. Самое большее, на что согласится, чтобы он после уроков помогал ей отовариваться и тащил баул от универсама до дома. Очень надо!..

В конце концов он присмотрел хорошенькую девчонку из параллельного седьмого. Она чем-то напоминала артистку Галину Польских в молодые годы. Заранее придумал несколько остроумных фраз, чтобы сразу расположить ее к себе. Однажды вышел следом за ней из школы с загадочно поднятым воротником пальто, в надвинутой на лоб вязаной шапочке с бомбошкой на макушке. Дождался, когда она попрощается с подружками и пойдет одна. Чтобы поравняться с ней, осталось сделать шагов пять. Но тут у него вне плана незнакомо и страшно застучало сердце, все перед глазами, как в сильный ливень, поплыло, в горле стало сухо, точно он вместе с воздухом заглотнул крылышко засушенной бабочки из гербария. «Галина Польских в молодые годы», что-то почувствовав, остановилась и с робкой надеждой поглядела на него. Колюня же, словно в этом и заключалась его цель, на ходу ударил ее сумкой по спине и, неуклюже топая, побежал дальше с прыгающей бомбошкой на голове.

Колюня, Колюня...

И когда классная потребовала, чтобы он встал и уступил место новенькой, у него снова все поплыло в глазах. Он даже не взглянул на Малышеву. Но от одного ее присутствия Рублёва, как стрелку компаса близ рудных залежей, затрясло. Правда, он успокоился, как только новенькая села за другую парту. Но тут он явственно услышал:

– Трус несчастный! Такой шанс упустил!..

Оглянулся по сторонам, желая выяснить, кто же это его так сильно приложил? Но все уже были заняты делом и забыли про него.

Приложил Колюню его «внутренний голос»...

Взаимовыгодная сделка

Хорошо, когда дежуришь по классу не ты, а кто-то другой. Дежурный, как бы он ни старался, всегда на нерве и уязвим для упреков. Завести его ничего не стоит.

Например, если на переменке страшным голосом закричать:

– Кто сегодня дежурный?!

– Мы! – Дежурные по классу «братья Карамазовы» с неохотой прервали углубленное изучение очередного номера «Советского спорта». – А что?!

– Они еще спрашивают! – в притворной истерике забился Колюня. – По моей парте п-ползает муха! Уберите ее, уберите!..

– Больной! – сделали «братья» общее медицинское заключение и, продолжая подведение итогов футбольной недели, забубнили, как молитву: – «Кайрат» выиграл у «Пахтакора», московское «Торпедо» у минского «Динамо», «Арарат» проиграл «Шахтеру»...

У всех свои заботы, свои интересы.

– Люди! Кто еще не сдал мне фотокарточку три на четыре на комсомольский билет – сдавайте! – заклинала Оля Самохвалова. – Малышева! – окликнула она новенькую (та несколькими девчонкам класса рассказывала какие-то новости). – Когда принесешь свою фотографию?

– Завтра! – пообещала Катя.

– Вчера ты тоже говорила: завтра!..

– Я приносила, Оля, честное слово. Но она куда-то пропала...

– П-последняя муха сезона! – истошно завопил Колюня. – Яркий п-представитель семейства насекомых, отряда двукрылых! – Забавляя самого себя, Колюня устроил аукцион. – С-сто рублей! Кто даст больше? Сто рублей – раз, сто рублей – два...

– ... И еще в этой книжке есть раздел про Венеру Милосскую как идеал женской красоты, – делилась впечатлениями о прочитанном Малышева. – Девчонки, ни в жизнь бы не поверила, что это про нее! Но я же своими глазами читала!..

– Ну, Катя! – Света Зарецкая от нетерпения даже затопала ногами. – У тебя одни междометия. А конкретно? Какой у нее был рост?

– Сейчас вспомню. Метр шестьдесят...

– Такая коротышка?! – не поверила ей высоченная староста класса Наташа Спринсян. – У меня уже сейчас метр семьдесят семь...

– С-сто рублей – десять!.. Продано!

Эмму Гречкосей, толстушку и сластену, волновал другой параметр красоты Венеры.

– В этом месте у нее было шестьдесят пять, – сообщила ей Катя.

– Ура! – возликовала Эмма. – У меня пока меньше!..

– Ничего, – осадила ее Света Зарецкая, – скоро догонишь и пере...

Тут Света издала пронзительный крик и застыла с видом, будто ей за ворот бросили голого гада. На самом деле брошена была полудохлая муха.

Черт знает что! Девчонки превратились в злющих ведьм. Чокнутая Зарецкая за муху кинулась на Колюню, вцепилась в волосы и заставила кланяться ей в ножки десять раз и столько же – извиняться. Три раза он вполне чистосердечно попросил прощения. А чокнутая продолжала вместе с волосами выдирать у него мозги и приговаривать: «Извиняйся и изменяйся!» Спринсян и Гречкосей активно помогали ей. Одна Малышева сообразила, что это жуть как больно, и прекратила пытку.

Разочарованный в жизни и людях, с горящей от таски головой, Рублёв сел рядом с Валерием Коробкиным. Будущий астрофизик ел бутерброд с вареной колбасой и листал какую-то книгу впечатляющей толщины. На его половине парты,

отделенной от другой росчерком красного карандаша (дело рук Валерия), лежали клеммы, моточки проволоки тонкого сечения, конденсаторы, похожие на значки, и прочее. Один конденсатор, самый красивый, Колюня тут же без спроса прицепил к своей груди.

– К-когда я ем, я глух и нем? – деловито спросил он Коробкина. Но ответа не получил. Тогда он съел у него бутерброд с сыром. (Валерий, сглотив слюну, продолжал листать книгу.) – История техники! Том первый!.. – забрал у него книгу Колюня и заахал: – Какую литературу читает человек! Того и гляди, изобретет колесо, а если п-поднатужится, то и велосипед.

– Ты подошел, чтобы это сказать? – сурово спросил Валерий.

– Совсем человек перестал п-понимать шутки!

– Я уже говорил: твоих шуток я не понимаю.

– Т-ты тоже не всегда афоризмами выражаешься. «Морду набью», «скот», – напомнил ему Колюня про первосентябрьскую линейку. Красным карандашом подправил кое-где стершуюся линию раздела парты. – Но я не злопамятный... Сбежим с последнего?

– С труда? – глянул в расписание Валерий. – Не могу. Надо одну детальку для поворотного круга выточить.

– А п-после уроков что делаешь? – не отступал Колюня.

– Домой пойду.

– Жаль. У меня есть идея: в киношку с-сходить...

– Во сколько?

– В четырнадцать п-пятьдесят. В Доме культуры.

– Не могу. В это время придет машина. С матерью баки грузить будем. А что идет?...

- Лучше спроси, кто с нами п-пойдет! – Колюня придвинулся к нему поближе и шепнул на ухо: – Твоя соседка!
- Без меня! – тотчас отпрянул и стал еще суровее Валерий.
- Ну Коробок!
- Я же сказал: не могу. Баки грузить будем...
- Один раз в жизни о чем-то попроси-ил! – тихо и с отчаянием простонал Колюня.
- Ладно, – уступил Валерий. – Но с одним условием: ты мне продашь трубу. Тебе она все равно не нужна.
- Договорились! – Колюня признательно сжал его руку.
- Всю сумму не могу сразу. Отдам частями.
- О чем разговор?! – засмеялся Колюня. – И чтобы ты не п-передумал, держи, паря, все три билета. Встречаемся у входа!..

Он так увлекся переговорами с Коробкиным, что не заметил, как в класс со стопкой тетрадей вошла высокая, прямая как штык учительница литературы и русского языка Наталья Георгиевна. Она с нарочито покорным видом ждала, когда Рублёв заметит ее присутствие.

- Я могу начинать урок? – вежливо осведомилась она у него.
- Аха... – не нашелся Колюня и прытко побежал на свое место.

Речной рак в разрезе

Ученик и учителя – это всегда целый роман. Пишется он долгие годы – восемь, иногда десять лет подряд – и лишь в редких случаях развивается бесконфликтно.

И еще – это роман без конца! Ты давно окончил школу, постарел и живешь за тысячи верст от нее. А в твоей памяти она все такая же, какой была тогда. Стоит все на том же месте, хотя ты точно знаешь, что ее снесли и построили новую, вокруг нее по-прежнему шумят на ветру высокие тополя, над ней в горячей синеве неба нескончаемо плывут белые облака твоего детства. И твои учителя, не старея, не болея, не умирая (было бы ужасно, если бы в нашей памяти происходило то же самое, что и в жизни, не правда ли?), их лица, улыбки, глаза и даже страхи, вольно и невольно посеянные ими в наших душах, – все живет, пока живешь ты...

И незачем мне, доказывая это, далеко ходить за примерами. Помнится, учась в школе, я самостоятельно не решил почти ни одной математической задачи – до того был туп и неупорен, и моя любовь к точным наукам проявлялась лишь в том, что я стремился безошибочно списать у своего товарища, – тот в порядке обмена ценностями списывал у меня по другим предметам. Не знаю, как сейчас чувствует себя этот товарищ, но мне, словно в наказание за списывание, в среднем один раз в неделю снятся кошмарные алгебраические сны. Всю ночь до утра в моем сумеречном спящем сознании летят, крутятся, как вьюга, мириады математических символов, мои глаза и рот забивают осколки нерешенных уравнений, в мозг иглами впиваются тысячи неизвестных, и сквозь эту мучительную кутерьму проглядывают четкие, как два абсолютных нуля, черные неподкупные глаза нашей математички – точно такими они у нее были, когда, проверив мою безукоризненно списанную работу, она недоверчиво смотрела на меня...

Но бывает, не учителя нам, а мы им в течение многих лет снятся в страшных снах. Колюня Рублёв как раз тот случай. Могу поручиться: кто-то из учителей до сих пор встает по утрам разбитым из-за него.

Но не будем сразу сильно наседавать на него за это. Совсем не действовать на нервы учителю ученик не может – такова жизнь. Тем более что, досаждая учителям, Колюня чаще всего ничего против них самих не имел. Ему нравилось смешить класс. Нравилось разнообразить монотонную школьную жизнь. И ничего в этом плохого, кроме хорошего, согласитесь, нет.

Нет? Но учителя год за годом вышибали из Колюни эту привычку, да с такой силой, что он, бывало, на большой скорости вылетал вместе с ней из класса. Да еще с приказом немедленно идти к директору и самому доложить, за что был

выгнан. Происходило иногда и такое. Колюня оставался на месте, а учительница, с красным от возмущения лицом, стремительными и грозными шагами покидала класс.

Дело, вы догадались, заключалось в том, что Колюня потешал товарищей в неподходящее время – на уроке. И если некоторые его соученики, так же, как и он, по природе склонные к балагурству («братья Карамазовы», например), с годами становились тише и смирнее, то Колюня, наоборот, все сильнее входил во вкус. Отработав один прием шутовства, он тут же придумывал другой. Мог, к примеру, нарочно опоздать на урок, а затем энергичным шагом войти в класс и, замахав на товарищей руками, великодушно сказать им: «С-сидите, чего там?!» – хотя, как вы догадываетесь, никто и не собирался вставать. В трудное, если не сказать плачевное, положение попадала учительница. «Ничего смешного, Рублёв!» – стыдила она его за выходку под хохот всего класса. Да и сама еле сдерживала улыбку. Мало того, она приказывала Рублёву побыстрее сесть на место, а кто-нибудь из соучеников, развивая образ Колюни – Великого, но Скромного Деятеля, услужливо раскатывал перед ним воображаемую ковровую дорожку. А Рублёв – рад стараться! Шел меж рядами, ласково кивая всем, на ходу раздавая автографы.

Что могла учительница ответить на это? Выгнать из класса? Назвать его выходку чистым хулиганством? Да ведь Рублёв только этого и ждал! В его обманчиво ленивых голубеньких глазках, как на табло, уже светился вопрос: «А что? Один я опаздываю?» И верно: этим грешил не один он... Голыми руками его трудно было взять! Но чувствую: сколько ни рассказывай о Колюниных выходках, ни одна из них не покажется особенно смешной. И чтобы понять, почему же он имел-таки успех у одноклассников, надо знать, в какой момент, после каких слов учителя, с каким выражением лица Рублёв высказывался. Каждый по себе знает: иному человеку достаточно рот открыть – все уже улыбаются.

И я бы погрешил против истины, если бы представил своего героя всего лишь неистощимым на выдумку весельчаком. Таких-то даже самые строгие учителя, хотя и поругивают, в душе любят. Увы, Колюня и по отношению к своим наставникам был Колюней.

Для наглядности приведу всего один случай (и чтобы меня не упрекнули в распространении образцов дурного поведения, им и ограничусь). Итак, идет урок зоологии. Проводит его знакомая нам по началу романа Ольга Михайловна.

Как учительница она очень старательна, знает свой предмет так, что когда объясняет, предположим, строение речного рака, то смотрит на класс, а указкой, не оборачиваясь, точно попадает раку, изображенному в разрезе, во все его органы, в том числе и в глаз.

Эту снайперскую точность она выработала за многие годы преподавания и в силу необходимости следить, не занимаются ли посторонними делами ученики в то время, когда она с ними делится знаниями. Вот на такой ее поразительной способности Колюня на одном уроке и сыграл. Он был дежурным по классу и вовремя не повесил схему коровы в разрезе, за что и был резко раскритикован Ольгой Михайловной. Он начал с виноватым видом рыться в шкафу и искать схему. Между тем учительница, лицом устремленная к классу, уже приступила к основным признакам отряда млекопитающих. И она долго не могла понять, почему ученики корчатся от смеха, стоит ей, как обычно не глядя, показать, где у коровы рога, копыта, сычуг и другие органы. Она не знала, что за ее спиной висит уже пройденный рак в разрезе...

Не ей одной он устраивал каверзы. Но можно сказать, что ей чаще, чем другим. У них была пылкая взаимная нелюбовь. Колюне сразу не понравилось, что Ольга Михайловна рассказывает точно по учебнику, а ей – что он, слушая ее, издевательски водит пальцем по строчкам.

Но двух учительниц он никогда не трогал – классную Людмилу Сергеевну и только что вошедшую в восьмой «А» Наталью Георгиевну.

Правда, к последней, отыскивая уязвимые места в ее характере, он несколько раз пристреливался. Но Наталья Георгиевна знала его повадки. Как только он начинал втягивать в себя воздух, она быстро говорила:

– К доске пойдет Рублёв!

Она любила короткие ответы. Слушала с неподвижным, как бы наглухо застегнутым лицом. Ее большие прозрачные глаза не выражали ни осуждения, ни похвалы. «Достаточно», – могла она прервать ответ в самом начале, и это не всегда означало, что она недовольна. Она по первым словам ученика догадывалась, учил тот или, эксплуатируя зрительную память, за минуту до звонка подержал перед глазами учебник. Никакой пощады тому, кто не учил, она не давала. Любые причины, которые могли помешать приготовить физику,

историю, английский, ботанику и т. д., она не считала уважительными для литературы и бестрепетной рукой ставила двойки в классном журнале.

Этим она выводила из себя завучей школы, убежденных, что литература, каким бы важным предметом она ни была, не должна плохо влиять на процент успеваемости. «По мне, так: или пусть учит литературу, или пусть идет на завод и в вечерней доучивается», – однотипно отвечала она всем, кто уговаривал ее войти в положение отстающего по ее предмету ученика.

И ценила она не только серьезное отношение к литературе, но и природные склонности к ней, рассуждая так: что если ученику что-то не дано, незачем его обманывать отличными отметками, довольно с него и просто хороших. Именно поэтому Валерий Коробкин, как ни бился, никогда не получал у нее пятерок. «Сухо», – писала она в конце его безошибочных, без помарок сочинений и выставляла четверки. И не изменила своей привычке, хотя мать Валерия несколько раз предупреждала ее, что пойдет к депутату.

Литература Колюне давалась легко. Его ответы Наталья Георгиевна слушала дольше других. И если не считать, что она пару раз застучала его за игрой в шахматы (как все плохие игроки, Рублёв считал каждый проигрыш случайностью и втравливал Коробкина в переигрывание партии, начатой на перемене), их отношения складывались более или менее мирно. Жалобы на его выходки, иногда раздававшиеся в учительской, она выслушивала вполуха, с тонкой улыбкой на плотно сжатых губах. «А вы не подставляйтесь», – обычно давала она как коллега коллеге совет Ольге Михайловне, чаще других учителей предававших анафеме Рублёва.

Людмилу Сергеевну, как раньше говорилось, Колюня тоже не жалил своим язычком. И это было странно. Говоря словами Натальи Георгиевны, она только и делала, что «подставлялась».

Классная, случалось, не хуже некоторых учеников опаздывала на свои первые часы. Влетев в класс, на ходу разматывала шаль, взбивая короткую стрижку, и, прежде чем начать урок, обычно начинала жаловаться на своего сынишку. («Представляете, чтобы не идти в садик, он на этот раз спрятал валенки в стиральную машину!..») Со своим классом разговаривала так, словно ученики должны были лучше ее знать, как с ними справляться. («Говорите, что мне с вами делать!» – так начинала она классные часы.) Грозила и умоляла их не скатываться на последнее место по чистоте. («Мало мне своих грязнуль дома?!»)

И еще у нее была потешная привычка – объясняя тему, стоять около парты и на чьей-нибудь голове держать руку. Увлечется рассказом, а руку не убирает. Колюня однажды спросил, зачем она это делает. Классная ответила, что рукой она снимает положительные заряды, излишек которых, согласно одной теории, затуманивает мозги. «А у вас каких зарядов больше?» – прицеливаясь, поинтересовался он. «Успокойся, у меня одни отрицательные», – сказала она, показала ему язык и придавила его рыжую голову к парте, чтоб он умолк... Со временем все так привыкли к ее руке, что обойденный ею начинал думать, что классная его невлюбила. «А мне?!» – однажды, чуть не плача, воскликнул легкоранимый Витек Перовский, когда классная подержала руку на голове Оли Самохваловой, а его обошла.

Классная понимала шутку. Особенно это проявлялось в турпоходах, в которые она любила ходить с классом. («Это у меня единственная возможность заставить моего Михрютку – так называла она мужа Михаила, конструктора с АЗЛК, – хотя бы один день побыть в роли отца и позаниматься, как я всю неделю, хозделами...») Она пела вместе с ними под гитару в электричке, покрикивала, когда они («неженки и дохлятины несчастные!») падали от усталости прямо на тропе, и нисколько не обижалась, если кто-то, не разобравшись в темноте, запускал в нее рюкзаком или если они утром, зная, что она любит поспать, по команде «раз-два-три!» выдергивали колышки у ее палатки и заставляли беспомощно барахтаться в складках брезента. И, слушая ее проклятия в их, «мучителей» и «садистов», адрес, они понимали: Людмила Сергеевна не играет с ними, а играет вместе с ними и, может быть, доигрывает что-то недоигранное в своем детстве...

Но не думайте, что Колюня сознательно щадил нервы классной. Ничего подобного! Просто бес его натуры в ее присутствии смирнел, временно укрощался. А по сути он оставался самим собой. И Ольгу Михайловну, и без того склонную из-за полноты к гипертонии, продолжал выводить из себя, довел до того, что она перестала видеть спиной и теперь, объясняя тему, становилась к классу боком.

Колюня, Колюня...

Автора! Автора записки!!!

– Успокоились!..

Этой фразой, заимствованной будто бы из словаря аутотренинга, Наталья Георгиевна всегда начинала свои уроки.

– Поговорим о ваших первых в этом году сочинениях. Общий уровень грамотности невысокий. Кое-кто из вас за лето забыл, что предлоги всегда пишутся отдельно. Правда, это не помешало вам уверенно излагать свои мысли. Про некоторых даже можно сказать, что они стали мыслителями.

Она повернулась вокруг своей оси и отыскала взглядом «братьев».

– Возьмем, к примеру, Караева и Мазаева. Они написали одно сочинение на двоих, что я в своей практике, честно говоря, встречаю впервые. Если вы не возражаете, я зачитаю кое-какие места из их несомненно философского труда...

Класс, предвкушая удовольствие, заерзал на партах.

– Итак, сочинение на тему «Взрослые мы или дети?». План сочинения: «Маршак и Агния Барто о детях. Право на труд и учебу. Если хочешь быть здоров. Заключение». Строго говоря, две трети сочинения написаны во славу футбола и хоккея. Авторы, как видно, предпочитают спорт всем другим видам деятельности.

Восьмой «А», в том числе и «братья», буквально упивались язвительно-ироническими комментариями Натальи Георгиевны, и она это знала.

– Тему сочинения авторы, собственно, раскрывают в самом конце. Послушайте, что они пишут. «На вопрос: взрослые мы или дети? – ответить не можем. Это знают наши родители и учителя. Когда тебе в новогоднюю ночь хочется до конца досмотреть „Голубой огонек“ или летом вместо пионерского лагеря поехать со стройотрядом в Сибирь, тебе говорят: „Еще маленький“. Когда же не хочется идти в школу или проходить диспансеризацию, тебе говорят: „Ты уже большой и должен иметь сознание“...» Вам это нравится? – обратилась Наталья Георгиевна к классу.

Восьмой «А» одобрительно зашумел, кто-то даже большой палец показал.

– Я не сомневалась: вам понравится... А что, по-вашему, я поставила за это сочинение?

– «Петуха»?!

– «Четыре»?!

– Да, я поставила им четверку... – Она сделала многозначительную паузу и добавила: – Четверку на двоих. Надеюсь, за лето вы не забыли, сколько будет, если четыре разделить на два?

Класс разочарованно и недовольно загудел.

– Ты что-то хотела сказать? – заботливо наклонилась Наталья Георгиевна над Катей Малышевой.

– Мы считаем, за такое сочинение нельзя ставить двойку, – встав, сказала Катя. – Ребята написали то, что думали, а за это нельзя наказывать.

– Садись, – рукой помогла ей сесть Наталья Георгиевна. – Во-первых, не рано ли ты начинаешь говорить от имени всех? В школе-то без году неделя... А во-вторых, они сделали девятнадцать ошибок. Это – вдвоем! На четырех страницах!.. И по поводу их жалоб на взрослых я скажу: демагогия... Вы большие и вам уже скучно в пионерском лагере? Но вы же поехали! Вы хотели узнать, что такое романтика, и поехать в Сибирь? Но – не поехали! И знаете почему? Вам нравится быть детками. Поднимите руки, кто из вас этим летом был на юге?... Полкласса! А почему бы и нет? Папы и мамы обеспеченные да и боятся оставить деток одних на время отпуска: детки могут с голоду помереть или превратить квартиру в дискотеку. А теперь поднимите руки, кто этим летом хоть рубль заработал?... Коробкин... Самохвалова... И всё!.. Но, извините, я забыла, у нас не классный час, а урок литературы.

Наталья Георгиевна порылась в стопке тетрадей и раскрыла одну из них.

– Лучшее сочинение, на мой взгляд, написал Рублёв.

Она не сразу нашла, где он сидит.

– Чувствуется, летом много читал, думал. Простой лаконичный стиль. – Долистав сочинение до конца, объявила: – Одна маленькая ошибка при переносе слова. «Пять»...

Наталья Георгиевна опять собрала сочинения в стопку, постучала ею о стол и отдала Спринсян для раздачи после урока.

– Тема нашего урока: «Недоросль» – комедия Дениса Ивановича Фонвизина...

В то время, когда она раскрывала историческое своеобразие эпохи, в которую создавался «Недоросль», в воздушном пространстве класса появился самолет. Белый, из линованной бумаги. На его дельтовидных крыльях было написано: Малышевой. Взлетев под самый потолок, он на мгновение, словно думая, не случится ли каких-то неприятностей во время приземления, замер, а затем сразу перешел в пике и упал около парты адресатки.

Малышева из записки успела понять, что некто, подписавшийся Фантомасом, вместе со своим другом приглашает ее в кино.

– Ты, кажется, получила авиаписьмо? – быстрым шагом подошла к ней Наталья Георгиевна. – Если не секрет, от кого?

Малышева, покраснев, встала, убрала записку за спину и замотала головой.

– Я не могу сказать... Записка личного характера.

– Ты считаешь, на моих уроках можно заниматься устройством личной жизни?

– Я этого не говорила, – смело взглянула Малышева.

Наталье Георгиевне не понравилось, как ей отвечает Малышева, но ни лицом, ни голосом она не выдала своих чувств. Будь это не новенькая, а другая ученица, она бы сразу поняла, кто послал записку.

– Что ж, проведем маленький социологический опрос, – сказала она с невозмутимой улыбкой. – Кто автор записки?

Она повернулась к партам, где было погуще мальчиков.

– Ты?... Ты?... Вы?!

Когда очередь дошла до «братьев Карамазовых», они переглянулись, подмигнули друг другу и, взлетев над партой, дуэтом отрапортовали:

– Так точно, мы!

– Оказывается, вы не только спортом увлекаетесь, – с той же улыбкой сказала она. – Конечно, не подумайте, что я вам запрещаю проявлять внимание к девочкам. В вашем возрасте это так естественно. Но я не позволю, чтобы вы на моем уроке посмеивались над Митрофанушкой, сами будучи Митрофанушками. Тем более меня не устраивает роль госпожи Простаковой! Попрошу из класса...

«Братья» снова переглянулись, обнялись, как идущие на смерть, и, печатая шаг, удалились с урока.

– Твой дневник, – попросила у Малышевой Наталья Георгиевна. Заметив, что ее сосед недовольно сморщился, она поинтересовалась: – Тебе, Коробкин, что-то не нравится?

– А в чем ее вина? – встал тот и наклонил голову в сторону Малышевой. – Я бы на ее месте тоже не сказал, кто послал записку.

– Садись... – смерила его взглядом Наталья Георгиевна. – О твоём рыцарстве я наслышана, хотя и не уверена, что оно полностью бескорыстно. Я и без тебя знаю, что твоя соседка вела себя благородно и что выдавать товарищей нехорошо. А хорошо, по-твоему, играть на уроке в крестики-нолики, что сейчас с упоением делают Мишулин и Боровский? А подводить глаза, как Зарецкая, жевать пирожок, как Гречкосей, в то время, когда я объясняю тему? Да я и тебя хочу спросить: у нас сейчас урок литературы идет или производственная практика? У тебя парта или склад запчастей?

Она давно видела, что руку тянет Рублёв. Уже воздух втягивает...

– Н-насчет записки... – не дожидаясь разрешения, начал он.

– Достаточно! – властно перебила она его. – Мне деньги платят не за дискуссии с вами!.. – И, согнав с лица все признаки недовольства и волнения, продолжила урок: – Мы остановились на том, что существовавшая в то время система отношений в обществе неизбежно порождала в представителях правящего класса и их детях эгоизм, потребительское отношение к жизни, духовную пустоту и чванство.

... После литературы по расписанию было еще два урока. Но Колюня сразу после звонка на переменку как бы дематериализовался. Малышева встретила «братьев» в буфете и в два счета выяснила, что те пострадали безвинно. Она ела ватрушку с творогом, запивала ее компотом и недоумевала: кто же вокруг этой записки столько туману развел? Пойти в кино на дневной сеанс с двумя и даже с одним мальчишкой – что в этом особенного?

... Бабуля была дома. Колюня обрадовался этому: будет с кем поболтать, душу отвести. Сидение за партой в одиночку угнетающе действовало на него. Да и забыть про инцидент с запиской тоже не мешало. Хотел публично признаться, что это он ее послал. Да вот злая Наталья помешала. «А ты и рад, что помешала», – откровенно сказал ему «внутренний голос».

– Половина учителей болеет, – пошел Колюня молоть, опережая вопрос бабули, почему вернулся из школы так рано. – Да и как им не болеть? С нами, наглыми, железные нервы надо иметь. Скорее бы внедряли компьютеры, что ли?...

– Есть сейчас будешь или потом?

– Так устал – даже есть не хочется. И некогда. Уроки, общественная работа...

– Сегодня убиралась, на полу нашла, – протянула она ему фотокарточку Малышевой форматом 3х4. – Любовь, что ли, твоя?

– Ты что?! – оглушительно громко рассмеялся Колюня. – Это Валерочки Коробкина страсть.

Бабуля никогда твердо не знала, когда эта балаболка правду говорит, а когда дурь выламывает. На всякий случай пошла разогревать щи, отбивную котлету и допекать пирог с яблоками. Колюня же, напевая боевой мотивчик, ногой открыл дверь в свою комнату, ногой же и закрыл.

Бросил сумку на стол, подошел к зеркалу и пристально посмотрел себе в глаза... «Ну, Рублёв, ну, рыжий прохвост, заварил ты кашу с этим культпоходом в кино! Смешнее всего будет, если Коробка, здорового лба, и Малышеву пропустят в кинозал, а тебе посоветуют прийти попозже, с паспортом. Фильм-то: дети до шестнадцати не допускаются. Боятся, вдруг детки узнают то, что они давным-давно знают. Нет, дудки, я уже не маленький! Маленьким меня школьная форма делает. А как облачусь во все фирменное, у билетерши в зобу дыхание перехватит от почтения!» Он открыл дверцу шифоньера. Отцовский вельветовый пиджак с борцовскими плечами – вот что его состарит сразу лет на пять!

– Обед на столе, – заглянула к нему бабуля. – А я пошла в хозяйственный. Ты дома будешь?

– Нет, скоро уйду на выставку японской графики, – соврал он и сам не понял зачем. – Кстати, дай-ка трешечку на мороженое.

– На мороженое?... Совсем меня за дуру считаешь...

Но деньги, затребованные внуком, куда денешься, выдала. Отец с матерью, уезжая, оставили для него хорошенькую сумму: по тридцать рублей в месяц на карманные расходы. Она была против такого баловства. Невестке побоялась, а сыну сказала: «Вы вроде как откупаетесь от него...» Хотела утаить эти деньги и сберечь их для внука: пригодятся, когда станет большим. Но тот знал про них и тратил на что хотел.

Прошлой зимой позвал товарищей из школы на день рождения. Она приготовила им поесть, пирог испекла, фруктовой воды по бутылке на человека поставила. Они еще за стол не сели – сразу включили какую-то оголтелую музыку, такую громкую, что у нее на кухне стаканы по столу поехали. Лечатся они от чего-то ею, что ли? Сидеть с ними – она еще из ума не выжила – не стала, пошла к соседке.

В одно время с ней из квартиры вышел и Валерий. Этот парнишка ей нравился. Смирный. Суждения как у взрослого. «Что мало был?» – спросила она. «Скоро по телику будет урок астрономии, – озабоченно ответил он. – А с ними разве посмотришь?» Через час она вернулась – их никого уже не было, убежали на улицу. На столе кроме бутылок из-под фруктовой воды стояла еще одна, она не

поняла, из-под чего. Было накурено. Телевизор работал на полную мощность. «Ох, горе ты мое! Беспечный, непутевый. Скорее бы уж отец с матерью забрали тебя к себе. Разве это дело: они там, он здесь?...»

К бабулиному обеду Колюня даже не притронулся. Настроение было – не до щей! Слазил в холодильник. И прежде чем с кружком полукопченой колбасы плюхнуться в кресло, включил телевизор. «Гуд бай, май лав, гуд бай!» – неправдоподобно высоким для своего могучего телосложения тенором пел и оплакивал расставание с любимой грек Демис Руссос на английском языке. Песня Колюне нравилась. Он даже подпевал Руссосу. Правда, при этом продолжал жевать полукопченую колбасу вместе со шкуркой.

Валерий подошел к Дому культуры за пятнадцать минут до начала сеанса. Повертел головой туда-сюда: Рублёв еще не пришел. Соседка по парте (он не сразу узнал ее в цветастой, как у цыганки, юбке и туфлях на высоком, закачаешься, каблуке) подошла чуть позже его и тоже теперь посматривала по сторонам. Коробкин отошел за угол и решил не выходить оттуда, пока не придет инициатор этого культпохода – Рублёв.

А тот не появлялся! И это все сильнее и сильнее злило Валерия. Сколько раз он зарекался иметь какие-то дела с Колюней. Не в то, так в другое вляпаешься. Вот и сегодня из-за него дома вышла неприятность. Хотел уйти в кино по-тихому, но мать не проведешь. «Ты куда вырядился? Эгоист! Весь в отца!..» И пошло-поехало...

– Привет! – услышал он удивленно-радостный возглас Малышевой. – Кого угодно ожидала здесь встретить, только не тебя...

Не зная, что сказать, Валерий побагровел.

– Если не секрет, что здесь делаешь? – пришла она к нему на выручку.

– То же самое, что и ты – жду третьего...

– Да?! – Катя озадаченно положила голову на плечо (с такой длинной и гибкой шеей, как у нее, нет ничего проще) и посмотрела на него, точно птица из-под

крыла. – А где же третий?

– Рублёв? Сейчас придет...

– Рублёв?!

Катины глаза изумленно распахнулись и на миг застили Валерию весь белый свет. Он даже невольно подался к ней, но, опаленный темным пламенем глубоких зрачков, тотчас отпрянул.

– Никогда бы не подумала, что третий – Рублёв! – хихикнула Катя. – Мне рассказывали, он ненавидит нас, девчонок.

– Слушайте вы его...

– Зачем же он записку посылал? Не мог просто так пригласить?

Валерий снова загляделся на Катю. Какие у нее красивые в серебряном свете солнца волосы! Такие легкие, точно ничего не весят. Ветра нет, а летают с плеча на плечо. В школе он не замечал такого. Но в школу она приходит в школьной форме, с «конским хвостом»...

– Что же он не идет? – вдруг забеспокоился Валерий. – Уже первый звонок...

– Ты меня спрашиваешь?... А между прочим, если мальчишка пришел с девчонкой в кино, он обязан ее развлекать.

– Как?! – с ужасом поглядел на нее Коробкин. – Анекдоты рассказывать? Я ни одного не помню...

– Я ехала сюда и думала, что в Москве мальчишки понаходчивее! – опять хихикнула она. – Но вообще-то, если не хочется разговаривать, лучше молчать.

– Сейчас Рублёв придет – с ним весело станет, – с тоской пообещал Валерий. – Кстати, уже второй звонок...

– У тебя есть сигареты? – неожиданно спросила она.

Пораженный ее вопросом, он замотал головой и спросил:

– А ты что, куришь?

– Нет. Просто я хотела узнать, куришь ли ты...

– Даешь! – расплылся он в беспредельно широкой улыбке.

– А если б курила, то что?

– Да курят обычно еще те...

– Глупость какая! – возмутилась она. – У меня мама курит. А я могу поклясться, что она очень порядочная женщина.

В это время зазвенел третий звонок.

– Пойдем в зал? – спросила она.

– Может, еще подойдет? – опять затосковал Валерий. – Неудобно без него...

Катя без слов вытянула из его руки билеты, подошла к кассе, где стояло несколько человек.

– Кому билеты? – громко обратилась она к ним. – Десятый ряд, середка!

– Ты чего?! – подбежал Валерий.

– Ничего! – даже не поглядев на него, ответила она и снова спросила очередь: – Кому билеты?!

– Ну и черт с ним! – в сердцах воскликнул Валерий, имея в виду инициатора – Колюню, схватил Катю за руку и потащил ее в кинозал, где уже медленно, как при обмороке, в глазах меркнул свет...

После кино Валерий решил позвонить Рублёву.

Он вошел в будку телефона-автомата. Накрапывал дождь. Катя тоже вошла в будку и встала напротив него. И пока Валерий набирал номер, разговаривал с Рублёвым, она заплетала волосы в косу и, не таясь, разглядывала его лицо. Ей нравился этот мальчишка. Даже тем, что неразговорчив, чуть важничает, тоже нравился. Лицо у него симпатичное – чистое, спокойное. Нос почти сросся со лбом, как у древних римлян, подбородок чуть выдается вперед – где-то она читала, что это признак сильной воли. А глаза у него почему-то невеселые, даже когда улыбается. Интересно, знает ли он сам, что немножко похож на артиста Богатырева, который ей очень понравился в «Мартине Идене»?...

– Ты чего не пришел? – начал Валерий свой разговор с вопроса. – Фильм, правда, старый, но смотреть можно.

– А ты не д-догадываешься почему? – хмурым голосом ответил Колюня.

– Честно говоря, нет...

– Я и не с-собирался идти. Для тебя, балда, с-старался.

– А кто тебя просил об этом?!

– В классе уже все, кроме тебя, з-знают: она в тебя влюблена.

– Ори потише... – скосил Валерий глаза на Катю.

Та с задумчивой улыбкой смотрела на него и заплетала косу.

– Она рядышком? – догадался Колюня. – Видишь: в-все на мази! Действуй дальше, паря...

– Захочу – тебя не спрошу...

– Но когда пойдете в загс, – продолжал язвить Колюня, – в-возьми меня своим свидетелем. Все-таки я вас свел. За одну парту посадил, в кино вдвоем отправил...

Будь Рублёв рядом, он бы ему за такие шутки закатал. Но рядом стояла девчонка. Она тянула руку к трубке.

– С тобой Катя хочет поговорить, – сказал Валерий Колюне, но тот уже бросил трубку. – А что ты ему хотела сказать? – не поднимая глаз, поинтересовался Валерий.

– Хотела попросить, чтобы он нас в гости позвал. Говорят, у него много хороших записей...

– У него всего навалом.

– А мне вдруг так захотелось музыки!..

– Я не пойду, – твердо сказал Валерий. – По-моему, он сегодня не с той ноги встал.

– А почему он не пришел в кино?

– Сказал, что для нас с тобой старался. Но я не верю в это.

Дождь уже перестал накрапывать.

– Станный он какой-то... – Катя вышла из будки, следом за ней и Валерий. – Что ни делает, все только хуже для себя. Вы с ним, я слышала, дружите... Что он за человек?

Валерий не ответил. То ли не захотел, то ли не расслышал ее вопроса.

– До скорого? – остановилась она на перекрестке.

– До свидания, – торопливо пожал ей руку Валерий и быстрым шагом пошел в противоположную сторону.

Катя чуть не плакала от обиды... Что за тип?! Кино смотрели вместе. А как проводить – даже не предложил! Она еще приняла его за Мартина Идена наших дней. Самый настоящий пень – вот он кто!

И у Валерия было тяжело на душе. Еще когда они выходили из Дома культуры, он подумал: «Надо проводить ее». В будке глянул на часы и понял, что опаздывает. «Чтоб ровно через два часа был как штык!» – с таким условием мать отпустила его в кино. И если он не явится вовремя, крику будет – полная квартира. А он больше всего на свете не любит скандалов.

И вдруг его будто что-то толкнуло в спину. Обернулся и увидел, что Малышева понуро идет в свою сторону прямо по лужам. И не как-нибудь, а босиком! Без туфель она стала совсем маленькой. Что было духу бросился следом за ней.

– Ты чего? – спросил он, поравнявшись. – Простудиться надумала?!

Она даже не взглянула на него.

– Слышишь?! Обуйся...

– Иди, куда шел...

Тут он заметил, что шпилька одной туфли обломилась и держится на честном слове. Остановил Катю, снял с себя кеды и опустился перед ней на колени, чтобы обуть ее.

– Не трогай меня! – стала она вырываться. И чуть не упала.

– Стой смирно!

– Я не корова, чтоб со мной так разговаривали!

Валерий только подбавил масла в огонь.

– Будешь брыкаться, – мрачно предупредил он, – на руках понесу.

– А по физии не хочешь?

– Бей, – поднял он к ней лицо, а сам продолжал впихивать ее ноги в свои кеды сорок третьего размера.

Она ударила.

– Еще, – попросил он.

И тогда она перестала вырываться...

У дверей квартиры она сказала ему:

– Зайдем к нам. Я дам тебе сухие носки.

– Здесь подожду, – ответил он, глядя в потолок.

– Ну и чудик ты! – улыбнулась она и силком втолкнула его в квартиру.

Мать возилась на кухне.

– Ма! Я не одна! – просунулась туда Катя.

– Кто еще?

– Мальчишка из нашего класса, мы с ним в кино ходили. – И тихо напомнила: – Я тебе о нем рассказывала.

Мать выглянула из кухни. Строго оглядела Валерия с головы до ног.

– Это что, новая мода – ходить в одних носках? – спросила она его.

– Здравствуйте! – сказал Валерий, ничего не объясняя.

– Здравствуй... – закивала Катина мать. – По правде говоря, я представляла тебя другим. Калибром поменьше. И жгучим шатеном.

– Ты все перепутала, ма! – залилась смехом Катя. – Это Валерий Коробкин, мой сосед по парте.

– Предупреждать надо, – чуточку обиделась мать и вернулась на кухню.

Катя провела Валерия в комнату, дала ему сухие носки, а сама побежала к матери.

– Скажи: он симпатичный?

Мать глянула с усмешкой:

– Красавец!

– Я серьезно!

– Хорошее лицо. Волевое...

– Ой, мамка! – задохнулась от удовольствия Катя и благодарно прижалась щекой к ее щеке. – Я решила: он будет моим другом.

– Как это – решила?

– Сегодня поняла, что и я ему нравлюсь.

– Ловлю тебя на слове.

– Лови! – лобызнула она мать в плечо. – Я уже дней десять как вся втюренная в него.

– Та-ак... продолжай...

– Всё! – удивленно посмотрела на нее Катя. – Он нравится мне. Я нравлюсь ему. Что еще нужно?

– Немного. Школу окончить.

– Я бы тебя еще поняла, будь он дурачком или хулиганом.

– У тебя и такие были. Не в этом дело. Уж больно ты влюбчивая.

Катя показала ей язык и, напевая что-то, понеслась к Валерию.

Да, он был не первым ее увлечением. Далеко не первым! Уже в третьем классе она объявила родителям, что один мальчик хочет на ней жениться. «И ты дала согласие?» – не повел бровью отец. «Нет, – грустно потрясла косичками Катя. – Я сказала ему, что люблю другого...» Она с малых лет охотно принимала все знаки внимания мальчиков – от ударов портфелем по спине до записок с приглашением на каток. Все их ухаживания воспринимала как должное. Она словно бы сразу родилась девочкой-женщиной. «Ой, ма, – могла она, бросив портфель на пол, сообщить с порога, – на какого красивого мальчишку из девятого класса я сегодня глаз положила!..» Мать не всегда понимала: поддразнивает ее дочь или за этим кроется что-то серьезное...

Переезд в Москву ничего не изменил в ней. Она быстро сошлась с девчонками своего класса. Понравилась мальчишкам. Но они ей поначалу не понравились. Одни показались страшно несерьезными, как, например, «братья Карамазовы», другие хамоватыми, наподобие рыжего Рублёва. Но, если честно, в первую очередь Колюней-то она и заинтересовалась. Что-то угадала в нем своим детски женским сердцем. Даже успела матери обрисовать его характер и наружность... И вдруг на парте обнаружила красную разграничительную черту, которую провел ее сосед. Это ее задело. Такого в жизни еще не было – чтобы не она, а ей указывали на место! Стала краем глаза всматриваться в нелюдимого Коробкина, пытаясь понять, что он за фрукт. Валерий, чувствуя ее взгляд, отворачивался, показывал, какая у него красивая спина. Катя поклялась, что он как провел, так и сотрет эту самую черту!

И вот он у нее в гостях... К ужину подоспел отец, военный в звании майора. Когда к дочери приходил кто-нибудь из одноклассников, он любил смущать их каверзными вопросами.

– Что предпочитаете, молодой человек? – спросил он Валерия. – Вино? А может, водочку?...

– Шутите, – сдержанно улыбнулся тот.

– А что, – улыбнулся и Катин отец, – скажешь, ни разу не пробовал?

– Один раз было, – не скрыл Валерий. – Я еще в школу не ходил. Выпил целую рюмку, не помню чего. Чтобы отцу поменьше досталось. И чуть не умер после этого. До сих пор от одной мысли воротит...

– Ничего не скажешь, яркое воспоминание из детства... – с сочувствием посмотрел на него отец, и они стали говорить на другие темы.

– Я пойду, – первым встал из-за стола Валерий.

– Еще чашечку чая? – предложила Катина мать.

– Спасибо, – поклонился он, – говорят, пить много жидкости вредно.

Это его заявление у всех Малышевых вызвало улыбку.

– А хотите, – обращаясь ко всем, сказал Катин отец, – я сейчас быстро помою машину и покатаю вас вдоль Москвы-реки? А под конец заедем в кафе-мороженое, и...

– Я не могу, – не дал даже ему договорить Валерий. – У меня сегодня астрокружок.

– И никак нельзя пропустить?

Валерий сурово покачал головой:

– Сегодня моя очередь наблюдать. Не могу...

Когда он ушел, отец сказал дочери:

– А товарищ-то у тебя... с характером.

– Разве это плохо? – не поняла Катя.

– Что ты... – задумчиво поглядел на нее отец. – Наоборот, очень даже хорошо.

– Он немного неуклюжий, – добавила от себя мать, – но, по-моему, добьется в жизни всего, чего захочет.

... А что же в то время, когда у Малышевых пили чай, делал Колюня? Подложив руки под голову, он лежал в вельветовом пиджаке на тахте и думал о судьбе. Ему колоссально не повезло! Чтобы поход в кино состоялся, все до мелочей продумал и предусмотрел. Кроме одного – что бабуля, уходя, возьмет свои и его ключи и запрет квартиру снаружи.

Было нестерпимо досадно. Он такие возлагал надежды на этот культпоход! Малышева вполне соответствовала его представлениям о «своей девчонке». Лицо, фигура – любо посмотреть. Характер что надо: веселая, не выламывается, как многие девчонки. И, что самое привлекательное, незлопамятная. Подулась на него пару дней за реплику на первом в этом году уроке и перестала. Сколько уже раз подходила к нему с тетрадями по русскому и английскому.

– Проверь, чего я тут наляпала... – запросто присядет рядом на переменке.

– Пожалуйста, мисс Малышева! – учтиво скажет он и, как большой специалист, наденет воображаемые очки.

Проверит, исправит и молча вернет тетрадь. Несколько раз – или это ему лишь показалось? – он ловил на себе ее задумчиво-изучающий взгляд. Верно, взгляд не расписка, к делу не приобщишь. Но он порождает надежды! Настал день, когда Колюня решил: надо действовать! Время становиться взрослым. Время приглашать в кино... Коробка он взял в компанию, чтобы чувствовать себя посвободнее. В следующий раз, думал, обойдется без него. А вышло – они обошлись без него. Бабуля, бабуля, ты как будто нарочно заперла квартиру!..

Вечером он долго ворочался в постели, простыню в скатку сворачивал: «внутренний голос» не давал покоя. Он подсказывал Колюне, что между Коробкиным и Малышевой что-то произошло. Но что именно?! В худшем случае этот тьюфак Коробок после кино проводил ее до дома – и бегом домой к своей скандальной мамочке, к своим электродам, катодам, анодам...

Перед тем как уснуть, Колюня утопил клавишу приемника, всегда настроенного у него на волну «Маяка». «Уймитесь, волнения страсти! Усни, безнадежное сердце...» – отчаянно и грозно загремел шаляпинский бас в Колюниной келье. От этих слов старинного романса, затаенного плача музыки и раскатов могучего, как океан, голоса у Колюни пробежали по спине мурашки. «Минует печальное время...» – из далеких, невозвратных времен долетело до него предсказание, и он забылся сном, внезапным, как порыв ветра перед грозой...

Сладкий дождь

На следующий день он дежурил в классе. На большой переменке ворвался в класс со шваброй в одной руке и ведром с водой в другой. Вид имел – глаз невозможно было оторвать! Рыжие волосы пламенели и устрашающе торчали во все стороны. На груди, вместо передника, болталась старая географическая карта Африки, на которой Замбия и Намибия еще не освободились от колониального гнета.

– А ну! – зычно крикнул он. – Выметайтесь все, я н-начинаю работать!

Несколько человек сидели за партами и перед физикой методом скорого чтения учебника постигали хитроумные законы электричества.

– Кому сказал: выметайтесь! Хватит нам по чистоте быть на последнем месте!..

Чтобы все видели, как он решительно настроен, Колюня поднес швабру к лицу Светы Зарецкой.

– Считаю: раз, два, три...

Света поглядела на него, плюнула от полноты отрицательных чувств и вышла из класса.

– Вас это, голуби, тоже к-касается, – заявил он Коробкину и Малышевой, склонившимся над одним учебником.

– Не мешай, а? – взмолилась Катя. – Если Валерка не объяснит мне сейчас этот параграф, я погорела.

– Мне какое дело? – Колюня нарочно громыхал ведром, чавкал шваброй. – Г-гу-лять надо меньше, г-голуби...

– Пойдем отсюда... – Коробкин захлопнул учебник и встал. – Все равно не отстанет, я его знаю.

Класс опустел, и с Колюни тотчас схлынула деловая горячка. Заводить уже некого было. Рублёв наедине с самим собой был разительно не похож на Рублёва на публике. И, загляни кто-нибудь в эту минуту ему в лицо – худенькое, веснушчатое, несчастное, от недосыпа чуть синеватое, – никто бы не подумал, что Колюня способен кого-то обидеть. Его бы не обидели!

Вот и звонок на урок. В класс на полных правах один за другим вбегали, перелетая через ведро, акселерированные восьмиклассники. А Колюня продолжал нехотя возюкать шваброй по полу.

И – хлясть! – тряпкой провел по чьим-то белым туфлям.

– Вот спасибо-то! – изумленно-горестно ахнула классная, посмотрев, во что превратил он ее ноги. – Но скажи: за что?

– Я н-нечаянно! – вскричал Колюня, да так горячо, что она ему сразу поверила.

Он бросил швабру, достал белый, бабулиной утюжки платок и, как заправский чистильщик сапог, оттер туфли, вернул им первозданную белизну. Классная просияла. К ней вернулось хорошее настроение, которое ее редко покидало.

– Знаешь, какой я сегодня слышала разговор? – доверительно, но так, чтобы и другие слышали, сообщила она Колюне. – Наталья Георгиевна предлагает послать тебя на олимпиаду по литературе. Она прямо горой за твою кандидатуру.

У Колюни от этой новости глаза сделались квадратными. Поехать на олимпиаду – хорошо. Но если привезешь последнее место?

– Людмила Сергеевна! – вступила в разговор Оля Самохвалова. – Подействуйте на Рублёва. Он от всех поручений отказывается. А у него скоро комитет, и я боюсь, он там засыплется... И тогда на олимпиаду не пошлют...

Колюне вдруг нестерпимо захотелось на олимпиаду.

– А ты хоть п-помнишь, что мне поручала? – сразу перешел он в контрнаступление.

– Конечно, помню: два раза в неделю навещать слепую женщину и читать ей газеты...

– Как читать, она слепая, а как играть во дворе в карты и домино, так нет?! – продолжал наступать Колюня. – Я пять раз был у нее. Она п-просит читать ей только про шпионов. И больше, дудки, не пойду!..

– Запишем тебе отказ от поручения! – предупредила Оля.

– Я бы к этой тетке тоже не ходила, – подала голос Малышева в защиту Рублёва, чем удивила его и обрадовала.

– А ведь не с тобой разговаривают, – обиделась на нее Оля.

– Не спорьте. Без поручения Рублёва нельзя оставлять, – рассудила Людмила Сергеевна. – Что у нас там по плану, Оля?

– Турпоход и подготовка к фестивалю искусств.

– За что ты хочешь отвечать? – взяла классная Колюню за плечи и внимательно посмотрела ему в глаза. – За турпоход или за подготовку?

Колюня откровенно спросил:

– А ни за что н-нельзя?...

– Нельзя, – так же откровенно ответила она. – За что-то, понимаешь, надо отвечать.

– Т-тогда за подготовку.

– Это потому что до фестиваля еще далеко?

– Точно! – поразился он тому, как она правильно прочитала его мысли. – А откуда вы узнали?

– От верблюда.

Она и на уроке не оставила его своим вниманием – вызвала отвечать. И Колюня точно ждал этого, вышел из-за парты и рысью устремился к доске. Весьма средний ученик по физике, он на этот раз блеснул. Привлек дополнительный материал, рассказал о гипотезе одного ученого...

– Садись, – сказала ему классная, и даже задним партам было видно, какую твердую, во всю клетку крупную пятерку она выводит в журнале. – Что ты умница и мог бы учиться у меня только на «отлично», я это всегда знала.

Колюня пошел на место, как триумфатор. Перед ним катилась-раскатывалась красная ковровая дорожка. Тысячи рук тянулись к нему с цветами и тетрадями для автографов, а он шел и ни на кого не глядел, разве что Эмме Гречкосей показал язык. Но вот он подошел к своей парте. И разом исчезли улыбающиеся восхищенные лица, цветы, дорожка. На парте лежал синий неиспользованный билет в кино, столбик мелочи и записка из двух слов: «Полный расчет».

Твердый от чересчур прилежной позы затылок Валерия Коробкина говорил сам за себя...

В турпоход Колюня решил не ходить. Дело это добровольное, каждый проводит воскресенье как хочет, и неучастие в походе Самохвалова не сможет записать ему как отказ от поручения. Севка Барсуков со своей девчонкой зовут его поехать с ними на лоно природы и соорудить шашлычок.

«Мясо – за тобой», – предупредил Севка. Это, конечно, можно. Но Колюня знал наперед, как будут развиваться события: сами куда-нибудь уйдут, а его оставят стеречь вещи...

В турпоход вместе со своим классом Колюня не хотел идти из-за Коробкина. Совсем обнаглел паря! От Малышевой не отстает ни на шаг. Носит ее портфель, помогает надевать пальто, угощает конфетами, мороженым... И больше никого близко не подпускает. Типичный собственник. Не понимает, бедняга, что живет в конце двадцатого века и своим поведением только смешит умных людей.

Колюня, Колюня...

Утром в воскресенье он открыл глаза – намечался славный денек. Солнце било в окно так, что стёкла чуть слышно звенели, воробьи, расселившиеся в «китайской стене», расчирикались во всю мочь. Отвечая им, запела и хорошо выспавшаяся душа Колюни. Он подкинул ногами одеяло, быстро оделся, затолкал в рюкзак все, что надо, взял фотоаппарат, сорвал со стены гитару и побежал к месту сбора.

Они прошли по намеченному маршруту без особых приключений, если не считать, что тяжелая Эмма Гречкосей провалилась в болото. На ее вытаскивание и переодевание ушло целых полчаса. Классная, заядлая туристка, стояла ждала и недовольно поглядывала на часы. Колюня достал из рюкзака для Эммы шерстяные носки. Гречкосей уперлась – не хотела от него принимать никакой помощи.

– Не наденешь?! – пригрозил ей Колюня. – Тогда весь день т-травить буду...

Они пришли на берег лесного озера. У всех так и пооткрывались рты при виде его красоты. Круглая чаша воды, чистой, темной, до весны погруженной в сон. Ни души, ни ветерка, ни всплеска. По краям чаши толпились мощные дубы и березы с пооблетевшей листвой, сквозь них нелюдимо проглядывали черные, готического стиля ели...

– М-меняю квартиру в Москве вон на тот шалаш!.. – первым нарушил тишину Рублёв. И начал щелкать затвором фотоаппарата.

Но любоваться красотами природы стоя уже ни у кого не было сил. Свалили рюкзаки на землю и все тут же безгласными трупами попадали на них. Правда, скоро кто-то простонал:

– А есть-то как хо-очется!

– Ага! – живо согласились остальные.

– Мальчики собирают дрова, разводят костер, чистят картошку, – распорядилась классная. – А я и девочки немного поспим.

За что она и нравилась классу – не по летам была наивна.

Мальчики ничего не слышали. Встали одна за другой девочки. Мальчики, чтоб ничего не видеть, закрыли глаза. Совесть заговорила только в одном... в Рублёве! Колюня самому себе не поверил: встал, разделся до пояса и, делая разминку, замахал костлявыми руками, да так быстро, что чуть не взлетел над озером.

Он вытаскивал из лесу коряги, и весом и размером намного превосходившие его.

– Подожди! – испугалась за его жизнь Оля Самохвалова, когда он ухватился за комель здоровенной, поваленной ветром березы. – Давай вместе понесем!

– Отойди, Олька, а то зашибу! – как добрый молодец, закричал он и поволок березу один.

На мальчиков трудовые подвиги Колюни действовали раздражающе.

– Внимание, внимание! – лежа изображали репортеров известные лентяи и завистники Мишулин и Боровский. – Говорит и показывает телестудия восьмого «А»! Небывалый производственный подъем охватил дохлятину Рублёва! Товарищи решили не отставать от него...

Товарищи, не вставая, с гримасами крайнего напряжения сил передавали по цепочке тоненький прутик лозы – их общий вклад в костер. Кто-то неосторожно передал его в руки классной. Та встала и с выразительным свистом рассекла им воздух. Мальчики повскакивали.

Вскоре дров собралось достаточно. Но Колюня не мог остановиться.

– Чего встал на д-дороге?! – двинул он корягой в спину Коробкина, который, смеясь и размахивая руками, о чем-то рассказывал Малышевой.

Удар в спину Валерию не понравился.

– Врачу давно показывался? – рванулся он к Колюне, но был остановлен Малышевой.

В завершение своих подвигов Колюня с распростертыми руками упал вниз лицом на густой ковер усыхающих пахучих трав. Он даже вцепился в них, чтобы не умереть от усталости и не улететь в Царствие Небесное. Мимо него и даже через него ходили, кто-то проверял его пульс. Он ни на что не обращал внимания, глупо улыбался в траву и слушал ее нашептывания...

Перед раздачей пищи классная восславила Рублёва и потребовала, чтобы ему было выдано по две порции как первого, так и второго блюда, а в зеленом чае – вообще не ограничивать. Исполняя ее волю, Самохвалова несколько даже перестаралась. И опять Колюня всех удивил. Сам еще не наелся, а уже пошел по кругу с миской каши и кормил всех алчных и ненасытных. И, верный себе, кое-кого оставил с напрасно разинутым ртом.

Когда все физические потребности были удовлетворены и настала очередь духовных, классная объявила:

– Поём по кругу! Я и Света Зарецкая – жюри. Кто ничего нам не споет, пойдет мыть посуду.

Валерий Коробкин, оказалось, ни одной песни, кроме «Жил-был у бабушки серенький козлик...», не знал. Да и то не все куплеты помнил. Света, нарушая все правила, помогла ему допеть до конца.

«Братья Карамазовы», естественно, спели дуэтом.

Эмма Гречкосей без борьбы пошла мыть посуду.

– Рублёв, твоя очередь...

– А за репертуар не б-будете ругать? – потупив глаза, спросил Колюня.

– Смотря какой... – ёрзнула на рюкзаке классная.

– Песня п-про любовь. Но не бойтесь: она на английском.

– Испугал! – показала она на него пальцем. – У меня про это уже Олежка поет.

Колюня хлебнул холодного зеленого чая, сделав связки влажными и певучими, провел пальцами сначала по своему сердцу, потом – по струнам гитары...

Конечно, он сам понимал: куда ему до Руссоса. Но если петь не в полный голос, гитаре давать звучать самую малость, получается ничего. В походах он пел и прежде, но всегда пародийно, лицом и голосом изображал роковые страсти и за свое исполнение получал только ругань и насмешки. А тут распелся...

– Кто бы мог подумать?! – первой оценила его исполнение классная, когда Колюня умолк. – Да ты же у нас соловей, Рублёв!

Колюня в ответ сорвал с головы фуражечку и положил ее у своих ног. Каждый бросал в нее, какую мог, мзду: еловую шишечку, конфетку, копейку... Катина рука, он заметил, бросила похожую на крест латунную штуковину, которая неведомыми путями попала сюда, на берег озера.

Пришлось Колюне петь на бис. На этот раз он спел ту же самую песню в собственном переводе:

Срок настал

Петь «прощай» любви.

Расстаться нам с тобою суждено...

Ты не плачь,

Сердце мне не рви:

Тебя хранит оно.

Прощай, любовь моя!

Тобою полон я,

И это будет так,

Пока ты будешь ждать меня.

Прощай, моя любовь!

Твой взгляд печальней слов,

Но верь, моя любовь,

Мы будем вместе вновь.

Нам с тобой

Светят две звезды.

Они горят во мгле ночи, как две свечи.

Две звезды —

Это я и ты!

Любовь – наш свет в ночи.

Все время, пока пел, Колюня чувствовал, что Малышева смотрит на него. Она и в самом деле смотрела – сквозь кисть огненно-красной рябины. И еще ему чудилось, что взгляд ее горек и нежен, как эта лесная ягода в октябре...

В то самое время, когда Колюня своим голосом услаждал слух и сердца одноклассников, в мире резко потемнело. Никто, кроме Эммы Гречкосей, усердно драившей песком миски и ложки, не заметил, как темная туча, похожая на грандиозную, в полнеба, амебу, тихо подползла к солнцу, сначала как бы

принюхалась к нему, а затем обволокла и проглотила. В ее влажной утробе тотчас загромыхало, розовый свет молний еле пробивался сквозь густеющую черноту.

– Мама родная, что сейчас будет! – ужаснувшись, вскочила классная. – Все взяли плащи?... Нет?... Почему? Растяпы! Я же вам говорила: возьмите, обещали дождь...

Но восьмиклассники будто только и ждали дождя, чтобы в открытую заявить о своих симпатиях. «Братья Карамазовы» растянули над собой плащ-палатку и пригласили под нее Наташу Спринсян и Эмму Гречкосей. Пошла одна Наташа. Валерий Коробкин распростер свою куртку, как крыло, над Малышевой.

Колюня не взял с собой плаща. Но у него был «стреляющий» зонт марки «Три слона». Нажмешь на кнопку – и над тобой вспухает черный купол, словно рассчитанный на то, чтобы под ним укрылись двое. По нему даже капли дождя били с почтением – до того он был классным. Пока дождь только расходился, Колюня стоял под ним один. Но когда на лес и озеро обрушился косой шрапнельный ливень, он подошел к Малышевой и, потеснив Коробкина, отдал ей ползонта.

Дождь угрожал затопить весь мир. Казалось, он и земля разошлись во мнениях по какому-то вопросу и двинулись в разные стороны. Деревья, белый пар от костра, фигурки мальчишек и девчонок, съежившихся под плащами, озеро, взрытое черной оспой ливня, – все плыло и колебалось... Душа Колюни ликовала: «Сыпь, дождь, лей, хоть еще сутки, хоть еще двое! Пусть будут перекрыты дороги, размыты мосты! А мы будем стоять под „Тремя слонами“ и молча слушать музыку дождя!...»

Такими были чувства у Колюни Рублёва, но их явно не разделял Валерий Коробкин. Он сказал:

– Шел бы ты отсюда, а?

– Хочется – иди сам, – ласково улыбнулся ему Колюня.

– Тебя же сюда никто не звал!

– И тебя!

– Мальчишки, прекратите! – взмолилась Катя. Она потянула Колюню за руку и, чуть не плача, попросила его: – Встань поближе, ты же совсем мокрый...

Колюня в ответ отдал ей весь зонт, а сам запрокинул голову и стал ртом ловить капли дождя. Они были холодными и сладкими. Но он этому ничуть не удивился.

Колюня, Колюня...

В электричку садились уже затемно. Вагон брали штурмом. Колюня ехал в тамбуре. Случайно или нет – кому какое дело? – рядом с ним оказалась Малышева. Они сидели на своих рюкзаках и всю дорогу ехали среди чьих-то корзин, сумок, велосипедов и т. п. Коробкина во время штурма затащило в середину вагона. Он стоял и, несмотря на все попытки Светы Зарецкой завладеть его вниманием, всю дорогу с потерянным видом вертел головой – искал Малышеву.

– Это правда, что ты уже три года живешь без родителей? – Из-за лязга колес Катя кричала Колюне в ухо.

– Правда, – кивнул он, отталкивая кого-то, кто пытался сесть ему на голову. – А что?...

– Тяжко?

– Мне? – уточняя, ткнул он пальцем в себя. – Не жизнь, а м-малина...

– А вот меня родители еще ни разу не оставляли одну... В гости идут – берут с собой, в отпуск едут – тоже...

– Боятся?

– Наверное.

– И п-правильно делают.

– В каком это смысле? – Она засмеялась и занесла над ним кулак.

– В хорошем, хорошем! – поспешил заверить ее Колюня.

И в это самое время на него доверительно сел мужчина с корзиной яблок, судя по всему садовод.

– Гражданин, – поинтересовался Колюня из-под него, – вам т-так удобно?

Гражданин в ответ недовольно приподнялся и корзину с яблоками поставил на Катю. Колюня боднул его в спину.

– Припадочный, что ли? – ругнулся мужчина, но корзину с Кати все же убрал.

– Скажи, а почему ты тогда не пришел в кино? – спросила она.

Колюня достал из корзины яблоко, вытер и отдал Кате, а себе достал другое.

– Я же сказал ему п-почему.

– Он не поверил. Я тоже...

– Ну и п-правильно сделали... Не пришел потому, что не мог выйти из дома. Вот и всё.

– Ты не много потерял...

Колюня сморщился и бросил недоеденное яблоко.

– Кислое? – не поверила она. – А мое, попробуй, сладкое.

Он осторожно откусил.

– Действительно, сладкое, – признал.

– А ты ревнивый? – вдруг спросила она.

– Я? – Он снова, уточняя, ткнул себя пальцем в грудь. – Откуда м-мне знать?...

– А он ревнивый... Нельзя хорошего слова ни о ком сказать. Сразу начинает искать недостатки.

– Любишь ты о нем п-поговорить, – отметил Колюня.

– Ты первый, с кем я так откровенно... Серьезно, с тобой интересно разговаривать. Про тебя всякое говорят, а ты, по-моему, не хуже других, а в чем-то и лучше.

– П-продолжай, – разрешил ей Колюня.

Когда они выдавливались из тамбура на перрон, садовод сказал им вслед с упреком:

– Сопляки еще, а разговоры совсем как у взрослых! Неловко даже слушать.

Это глубокое умозаключение, сделанное им на основе подслушанного разговора, развеселило Колюню и Катю. Выбравшись из вагона, они плюхнулись на свои рюкзаки и покатались со смеху. Такими веселыми их и увидел Валерий Коробкин.

Не сказав ни слова, он подал Кате руку, оправил на ней, как на маленькой, куртку, взвалил себе на плечо ее рюкзак, и они, не дожидаясь остальных, пошли по перрону и вскоре растворились в его толчее...

Колюня рта не успел раскрыть: все произошло так быстро. Он тоже встал. Горбатый из-за рюкзака, растерянно смотрел им вслед. Но ни обиды, ни досады он в ту минуту не испытал – уже умел довольствоваться малым. Какую глупость сделал бы он, если бы не пошел в поход! Разве можно забыть, как она смотрела

на него, когда он пел и когда классная всю славил его...

Он тоже вскоре откололся ото всех, шел вразвалочку и всю дорогу, точно любимые стихи, повторял в двух лицах диалог в тамбуре. И так увлекся этим, что забрел в незнакомый квартал и, блуждая среди его редких огней, долго не мог сообразить, где он и даже кто он.

Весь остаток вечера он был весел, возбужден, подробно рассказывал бабуле, где они были, как он отличился на заготовке дров, какой потом ливанул дождь и т. д., и нахваливал, чего за ним раньше не водилось, бабулино поварское искусство.

Под конец ужина его слегка зазнобило – то ли от усталости, то ли от пережитого за весь день... Ночью он проснулся от страшного землетрясения. А на самом деле его сотрясал дикий озноб. Зубы что-то выстукивали на азбуке Морзе, и бабуля, когда он разбудил ее, долго не могла понять, что же с ним...

Под утро она вызвала «Скорую».

Врач послушала его легкие, нашла хрипы и сказала, что у него двустороннее воспаление легких. Зная, что нынешние пациенты лечь в больницу боятся больше, чем умереть, она заявила, что вопрос о госпитализации не подлежит обсуждению.

– Никуда я не поеду, – твердо сказал Колюня.

– Хочешь, чтоб я вызвала санитаров?

– Вызывайте. А я в окно выпрыгну. Отвечать будете...

Врач разозлилась, сказала бабуле, что она ей не завидует, и, выписав, какие нужно, лекарства, ушла.

Адски болела голова. Он весь пылал от температуры выше сорока и временами бредил, зачем-то требовал у бабули сразу два зонта. Она почти не отходила от его постели, боялась, как бы внук не сгорел от высокой температуры.

– Умрешь – что я родителям скажу? – плакала и ругала она его за то, что не поехал в больницу.

– Ты что, б-бабуля? – хрипел Колюня. – Я – да умру?

Он действительно не боялся ни отека, ни удушья, ни даже самой смерти. Настроение у него было хорошим – редкий случай, когда в больном теле по какой-то причине жил здоровый дух.

Через три дня температура снизилась. Колюня попросил есть.

Бабуля только сделала фарш и замесила тесто, как в квартиру кто-то позвонил. В глазок она увидела Валерия Коробкина и незнакомую девчонку в белом пушистом берете.

– Как он? – спросил Валерий первым делом.

– Есть попросил.

– Значит, будет жить, – пошутил Коробок и, пропустив впереди себя Катю, прошел к Колюне.

Бабуля тем временем добавила в тесто еще муки, чтобы угостить пельменями всех, кто пришел и кто еще придет. Звонила утром Оля Самохвалова и предупредила, что после школы зайдет.

– Как дела? – спросил Валерий Колюню и положил на тумбочку кулек яблок сорта «джонатан». Да неловко положил: кулек лопнул, и желто-красные яблоки, точно хулиганы при свистке милиции, рассыпались и попадали на пол. Валерий, не дождавшись ответа, полез собирать их.

– Температура высокая? – спросила Катя.

– Нет, уже почти н-нормальная.

– А вид такой, словно весь горишь.

Она оглядела Колюнину келью с осторожным любопытством. Остановила взгляд на висевшей над дверью ритуальной маске с печально и злобно ощеренным ртом. Поёжилась и спросила:

– Кто это?

– Дух м-мести, – пояснил Колюня. – Кажется, из Габона...

– Ешь. – Валерий собрал и положил яблоки на стол. – Тут все волшебные. Какое ни съешь, сразу выздоровеешь...

– А к-какое из них отравленное? – в своем стиле пошутил Колюня.

Валерий не ответил: засмотрелся на футляр с трубой. Колюня все понял.

– Забирай, – сказал он. – Пока я д-добрый...

– Можно? – оживился Валерий. – Я тебе все до копейки отдам.

– Конечно. – Колюня глянул куда-то вдаль внезапно заблестевшими глазами. – За кино же ты п-полностью рассчитался.

Кате не нравился их разговор.

– Нет, у тебя есть температура, – сказала она. Привстала и прохладными, мягкими, как лепестки розы, губами прикоснулась к Колюниному лбу.

Валерий к тому же месту приложил руку.

– Совершенно холодный.

– Сам ты холодный... – Она снова хотела дотянуться до Колюни, но Валерий, дернув ее за руку, не дал.

– Ты чего? – смерила она его взглядом.

– Я тебе по дороге, кажется, все сказал...

Колюня лежал под одеялом не шелохнувшись. Они ссорились!

– Ты как разговариваешь со мной?! – возмутилась Катя.

– Не нравится? – Волевой подбородок Валерия затрясся. – Тогда я уйду!

– Я и не звала тебя сюда, сам напросился, – сказала она вслед.

Валерий хлопнул дверью с такой силой, что дух мести сорвался с гвоздочка и упал.

– Жуть какая! – сказала Катя про маску, вешая ее на место. – А глаз не оторвешь.

– Тебе н-нравится? – Колюня глаз не мог оторвать от Кати. Белый берет очень шел к ее темным глазам. В нем она была вылитым олененком! – Хочешь – возьми себе на память.

– Что ты! – смутилась она. – Я сказала без всякой задней мысли.

– Ну говорю же, в-возьми!..

Она поглядела в окно и сказала:

– Я пошла, ладно?

– Сядь! – скорее приказал, чем попросил он. – Что ты на праздники д-делаешь?

– Еще не знаю...

– С родителями будешь отмечать?

– Вряд ли...

– Давай вместе отметим. У меня есть п-приятель – Севка. Он со своей девчонкой придет. Посидим, послушаем музыку...

– Валерку, я поняла, ты не позовешь?

– А ты уже соскучилась по нему?

Она ушла от прямого ответа.

– А почему ты думаешь, что я подойду вашей компании?

– Потому что ты естественная девчонка. Что думаешь, то и говоришь. Не строишь из себя, как, например, Светка. Короче, с тобой легко... – Колюня сам себе удивился. Никогда еще и ни с одной девчонкой он не разговаривал так запросто и так уверенно! Он даже в собственном голосе уловил незнакомые ему нотки...

Малышева недобро усмехнулась.

– А я-то думала, Рублёв, ты еще совсем мальчик. А Валерка, выходит, прав.

– Дальше говори.

– Думала, мы можем быть с тобой друзьями...

– А что? Нет? – Только сейчас Колюня услышал хрипы. Но не в легких – в сердце. – Можем. Но без него, п-понимаешь?

– За счет Валерки – никогда. Я его люблю. Слышишь?!

Она встала и пошла к дверям.

– Постой! – с прерывистым, как у ребенка после долгого плача, всхлипом крикнул Колюня. Он был в дурацком положении: раздетым ни встать, ни догнать ее, ни загородить дорогу. – Постой, говорю! Возьми т-трубу и отдай ему.

– Пусть сам придет и возьмет.

– Он сюда больше никогда не п-придет! И я не понесу ему...

Она постояла у дверей, кусая губы. Потом взяла трубу и тихо сказала:

– Выздоровливай. До свидания.

– Чао! – выбросил он голую руку из-под одеяла.

Бабуля вкатила стол-тележку с блюдом пельменей, источавших вкусный курчавый пар. Среди них был «счастливый». И уж она бы сделала так, чтобы он достался внуку. А теперь и стараться не надо: товарищи, она проглядела, ушли. Все счастье одному ему.

Колюня, укрывшись с головой, лежал под одеялом молча и неподвижно, прямой, как покойник.

– С маслом или уксусом будешь? – спросила она.

– Ни с чем не б-буду, – глухо ответило одеяло.

– Опять не угодила! – проворчала бабуля. – Чего же тебе хочется?

– Умереть.

– Чего?!

– Не трогай меня! Я сплю.

– Оля скоро придет. Что ей сказать?

– Что она мне н-надоела.

Оля Самохвалова оказалась легкой на помине. Сказала, что очень спешит, оставила для Колюни уроки и записку. В записке она сообщала, что за

дежурство в классе санитарный пост школы поставил ему «отлично». А что она видела Катю Малышеву, выбегавшую из подъезда с футляром под мышкой, это оставила при себе.

«И тайно, и злобно оружия ищет рука!»

Ночью опять поднялась температура. В ушах гулко шумела горячая кровь. Из глаз в темноту уплывали, сцепившись, красные, синие, зеленые кольца. Во рту было сухо и жарко.

– Бабуля... – еле удалось отодрать язык от раскаленных зубов. – Бабуля!..

– Кричать зачем? Я здесь...

– Посмотри, что у меня под т-тахтой лежит.

Загорелся свет. Бабуля, вся седая, в белой ночной рубашке похожая на привидение, перекрестилась и, кряхтя, полезла под тахту. Достала оттуда и поднесла к его глазам желто-красное яблоко.

– И больше ничего.

– Не ешь его! Оно отравленное.

– Будет глупости болтать! – осерчала она. – Спи.

На его лоб, зашипев, легло мокрое полотенце. Свет погас. Полотенце впитывало в себя все ночные кошмары. Разноцветные кольца стали распадаться на светящиеся точки... Вот и вовсе исчезли.

Днем приходила врач. Послушала его и сказала, что ничего не понимает.

– Легкие и сердце у тебя уже в порядке. А состояние, сама вижу, тяжелое...

«А чего тут понимать?» – лежал и про себя думал Колюня, пока врач измеряла ему давление. Такое состояние у него из-за плохого настроения. И за него он

должен благодарить своих одноклассников – Коробкина и Малышеву.
Называется – навестили...

– Если не хочешь иметь осложнений, раньше времени не вставай.

Раньше времени? Да лучше вообще никогда не вставать! Лежать, лежать, ни есть, ни пить, остановить дыхание – и до скорой встречи на том свете!..

Обида, горечь, возмущение лихорадили кровь, туманили голову Колюни. И в чем-то мы должны разделить его чувства, если хотим быть справедливыми ко всем сторонам этого лирического треугольника. Он хотя и самая малая в нем сторона – все же сторона!

Что оставалось ему делать после того, как Малышева сказала, что любит другого? На что еще было надеяться? На чье плечо опереться?

День-два он ждал: она позвонит и скажет, что погорячилась. И это было бы самым сильным утешением для него! Но – не дождался... И тогда он, пристроив телефон на груди, сам стал названивать ей. Но едва она брала трубку – бросал свою! Таким отчаянным способом он хотел – не говоря – сказать ей: «Ну позвони же-е-е-е!...»

И как-то раз после нескольких сеансов этой (телепатической, по сути) связи у него над самым сердцем, подобно небесному грому, раздался звонок! Он в мгновение ока сорвал трубку.

– Привет... – звонил Коробкин. Он с самого начала взял шутливый тон. – Спишь, что ли, с телефоном? Так быстро взял трубку...

Колюня весь похолодел.

– Что н-надо?!

– Все еще болеешь?

– П-предположим...

– Я тебе чего звоню? Ты не можешь подождать с деньгами за трубу? Мать купила новый холодильник, истратила свои и мои. Но летом я опять поеду в деревню, заработаю и отдам.

– Могу выписать д-дарственную.

– Нет, так не пойдет. Лучше я займу у кого-нибудь и тебе отдам. (Забегая вперед, скажу: он так и сделал.)

– Не надо!.. Когда откроешь на небе Луну, назовешь ее в честь меня. И мы будем квиты...

– Хочешь завести меня? Не выйдет! Ты лучше пой. Это у тебя здорово получается. Про любовь, про свет в ночи...

Колюня сбросил с себя аппарат на пол и зарылся лицом в подушку...

В те дни в его душе шла отчаянная борьба. Точнее говоря, ее вели «внутренний голос» Колюни, другими словами его совесть, и дух мести, с которым больной, лежа в постели, не расставался теперь, словно малыш с игрушкой. Вот образец того, как яростно и непримиримо спорили между собой «внутренний голос» (сокращенно – ВГ) и дух мести (ДМ).

ДМ. Совесть у Коробка ни на грош! Неужели он забыл, что говорил о Малышевой вначале?

ВГ. Совесть в таких делах ни при чем. Можешь мне на слово поверить.

ДМ. Ненавижу его! Даже тень его ненавижу!..

ВГ. Бесишься... А толку?

ДМ. Ты прав! Пора переходить от слов к делу. Отравить? Нет, это грязная работа. Самое лучшее – устроить ему честную «темную». Разукрасить его, как пасхальное яичко. Неплохо выбить передний зуб. Пусть она тогда любит на его портрет. Ха-ха-ха!..

ВГ. Слушать тебя неприятно.

ДМ (искренне). Почему?!

ВГ (безнадежно). Руками тут не поможешь.

ДМ. А ноги на что? В карате ими только и пользуются.

ВГ. Ставим на этом точку. Пока я его совесть, этому не бывать!

ДМ (багровея). На его месте я бы поскорее отделался от тебя. Зануда ты страшная, а не совесть!

И на самом деле ты его враг номер один. На каждом шагу, за каждую мелочь угрызаешь. Связал по рукам и ногам... Нет, я верю: придет время – ученые найдут средство против тебя! Станут делать прививки или будут, как аппендикс, удалять. Счастливо заживут люди...

ВГ. Не желаю слушать твой бред. На «темную» накладываю вето.

ДМ. Ладно. Есть еще одна неплохая идея. Пусть «темную» устроит Севка. Он верный товарищ. Не откажется. И так отделает, что Коробок будет всю жизнь – ха-ха-ха! – работать на аптеку.

ВГ. И это я запрещаю.

ДМ (разъяренно). Совести у тебя нет, совесть!.. Это из-за тебя на земле столько разбитых сердец и неудачников. Я не камень, сочувствую тем, кому не повезло в любви. Но я уважаю силу! Счастье достается только сильным.

ВГ. И честным...

ДМ. Опомнись! Что ты делаешь с ним? Расшатываешь характер! Вот и вырастет он лопухом. Каждый, кому не лень, будет у него из-под носа уводить девчонок...

ВГ. Зато совесть будет чиста.

ДМ. Жалости у тебя никакой!.. Ему который день есть совсем не хочется, грудь болит, словно на нее горячий утюг поставили. А ты знай поешь одно... Не делай из него христосика! Поручи его мне, мы с ним та-а-кое придумаем!..

Дух мести сладострастно потирает руки и поет:

Как сон неотступный и страшный,

Мне снится соперник счастливый...

ВГ (морщась). Потихе, я не глухой... Злоба затемняет тебе рассудок. Ты все твердишь: «Коробок, Коробок...» А что, только в нем дело? Ты же был тут, когда она сказала: «Я люблю его». С этим-то что поделаешь?

ДМ (небрежно). Слушай ты ее больше... Это она тебе сказала. А ему еще нет.

ВГ. Все-то ты знаешь...

ДМ. Я же как-никак дух... Малышева еще в самой себе и в своих чувствах не разобралась. А уже любит напускать на себя: я такая взрослая, просто дальше некуда!

ВГ. Все-то ты понимаешь...

ДМ. Представь! В таких темных делах, как любовь, страсть, ревность, я разбираюсь получше многих.

ВГ. И на здоровье. А я буду молча страдать.

ДМ. Делать нечего? И нашел из-за кого! Если она выбрала Коробка, значит, она его стоит.

ВГ. Еще одно плохое слово про нее – и я вытрясу из тебя дух!

ДМ. О-охо-хо... Нервы, нервы...

... Рублёв встанет через две недели. Все анализы у него будут в норме. Останутся хандра и подавленное настроение. Но за это справки, увы, не дают.

В тот день, когда Колюня пошел в школу, выпал первый снег и ударил легкий, с солнечно-голубой искрой морозец. Все частные автомашины, осадившие «китайскую стену» со всех сторон, стали одного цвета – белого и одной марки: пухлые снежные шапки стерли различия между «жигулями», «москвичами» и «запорожцами».

– Рублёв!

Колюня оглянулся. Его догоняла Наталья Георгиевна. В новой шубе. Наверное, первый раз надела ее.

– Наконец-то ты выздоровел...

Видишь, Рублёв, есть же на свете люди, которые думают о тебе, рады, что ты оклемался.

– У нас полным ходом идет подготовка к фестивалю. Не забыл, что ты в своем классе ответственный?

– П-припоминаю, – кисло улыбнулся Колюня.

– И ты уже знаешь, с чем ваш класс выступит?

Шуба Натальи Георгиевны на свету помигивала, как новогодняя елка, разноцветными огоньками.

– Сами напишем и сами п-поставим маленькую комедию... Можно?

– Что ж, если это будет смешно и остро, я – за!

Она одобрительно хлопнула его по плечу и прибавила шаг, догоняя свою подругу, англичанку Галину Романовну.

Трагедия с комедией

Сочинять обещанную пьеску Колюня начал с «братьями Карамазовыми». Те взялись за работу с восторгом. Им обоим страстно хотелось, чтобы в классе перестали относиться к ним как к обалдуям. Но, быстро загоревшись, они столь же быстро остыли и вышли из авторского триумvirата. Правда, перед этим рассказали, кому только могли, о замышляемой постановке.

К удивлению самого Колюни, пьеска писалась быстро. Словно он ее, как профессиональный драматург, вынашивал годами, а затем сел за стол и в несколько вечеров выплеснул на бумагу. И хотя первое полугодие уже подходило к концу и по многим предметам надо было срочно выправлять положение, он, придя из школы, первым делом садился писать, потом быстро ел, делал уроки – и опять писал, писал... Он и чувства, дотоле ему неизвестные, испытал в те вечера, особенно когда какая-нибудь сценка, на его взгляд, получалась хорошей. Радостно выскакивал из-за стола, выходил в чем был в лоджию и прикладывал к лицу хлопья мягкого, в темноте синего снега. Усталость тут же проходила. Колюня возвращался к столу, с лица на бумагу падали капли талой воды, чернила расплывались, и буквы делались ветвистыми, как узоры мороза на оконном стекле... Иногда ему казалось, что сквозь чащу строчек с той стороны листа бумаги на него с укором смотрят чьи-то темные, с раскосинкой глаза. И это его еще сильнее подзадоривало.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

2

Персона нон грата – нежелательное лицо (лат.).

3

Сейчас Тверская улица.

Купить: https://tellnovel.com/tuinov_evgeniy/iz-za-devchonki-sbornik

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)